

Тюрин Сергей Сергеевич

ГЕРАКЛ И ЕГО ПОДВИГИ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ, В ТРУДАХ ЛЕТОПИСЦЕВ, РУССКИХ УЧЕНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ (X–XIX вв.)

Аннотация: в работе исследован образ Геракла – величайшего героя древней Греции – в раннем русском искусстве, а также в трудах летописцев, ученых и просветителей X–XIX вв. Установлено, что на всем протяжении истории Руси, а затем и России, Геракл, невзирая на языческие корни его образа, воспринимался с исключительно с положительной стороны. Осуждению изредка подвергался лишь факт его обожествления со стороны греков и римлян. Образ Геракла был позитивно принят и православной церковью, которая опиралась на византийскую доктрину, где Геракл также рассматривался как богоугодный истребитель чудовищ и защитник людей от зла. В результате исследования выявлена исключительная популярность Геракла в русском искусстве и литературе, где он выступал в классическо-эллинистическом образе. Он оставался эталоном физической силы, человеческой мощи и одновременно – образцом благородства, вершителем двенадцати великих подвигов. Научный труд содержит материалы из авторской монографии с рабочим названием «Двенадцать подвигов Геракла в античной литературе и нумизматике».

Ключевые слова: античность, русская античность, Возрождение, русское возрождение, Древняя Греция, эллинизм, Геракл, двенадцать подвигов Геракла, летописание, медали, Георгий Амартол, Иоанн Малала, Хронографы.

Abstract: the article shows the image of Heracles – the greatest hero of ancient Greece – in early Russian art, as well as in the writings of chroniclers, scholars and enlighteners of the 10–19th centuries. It is established that throughout the history of Ancient Rus and then of Russia, Hercules was perceived with an exceptionally positive side, despite the pagan roots of his image. Condemnation occasionally was the fact of his deification by the Greeks and Romans. The image of Heracles was positively

adopted by the Orthodox Church, which relied on the Byzantine doctrine, where Heracles was also viewed as a charitable fighter of monsters and a defender of people from evil. As a result of research it was revealed that Heracles had exceptional popularity in Russian art and literature, where he performed in a classical Hellenistic manner. He remained the standard of physical strength, human power and at the same time – a model of nobility, the ruler of the twelve great labours. The article contains materials from the author's monograph with the working title «Twelve of Labours of Heracles in ancient literature and numismatics».

Keywords: *antiquity, Russian antiquity, Renaissance, Russian renaissance, Ancient Greece, Hellenism, Heracles, twelve labours of Heracles, chronicles, medals, George Hamartolos, John Malalas, Chronographs.*

Введение

В отечественной исторической науке так сложилось, что исследованию чаще всего подвергается место и роль конкретной личности в истории, т.е. «исторической личности». Тем более интересным будет кратко определить роль и выявить влияние (в общих чертах) полностью вымышленной «мифической личности» на культуру русского государства. Да еще и личности, неразрывно связанной с античным миром, игравшей колоссальную роль в эпоху эллинизма.

В современной философии и культурологии был выдвинут тезис о том, что вымышленные персонажи могут иметь влияние на реальный мир в гораздо большей степени, нежели реально существовавшие личности. Так, А.Л. Никифоров отмечает быстрое забвение ушедшего с поста президента, не отличившимся чем-то особенным, но одновременно с этим мощное и неувядающее влияние на сознание человека такого полностью выдуманного на рубеже XVI–XVII вв. персонажа, как Гамлет, который запомнился рассуждениями о жизни и смерти, о лицемерии и подлости и т. д. В итоге названный автор делает вывод о том, что «значимость референта того или иного имени или существительного для культуры и для личного мира отдельного человека никак не зависит от физического

существования или несуществования этого референта» [95, с. 165]. Частное подтверждение или опровержение данного тезиса является целью настоящего исследования.

В России отсутствовал античный период истории. Область Понта (Черного моря) и некоторые регионы, контактировавшие с эллинистическим миром в скифскую эпоху, оказываются слишком малы для того, чтобы говорить об «античном периоде истории России» в том контексте и в тех границах, в каком Российское государство понимается сегодня. Поэтому приобщение к античной культуре в полной мере произошло лишь в эпоху Возрождения. До этой эпохи сведения об античности проникали в русскую книжную культуру и искусство крайне фрагментарно и сквозь призму церковного осуждения «еллинских ересей и борзостей».

Один из ярчайших персонажей античной истории – Геракл. Получеловек-полубог, рожденный от бога Зевса земной женщиной Алкменой, он явился величайшим героем древней Греции, оказавшим колоссальное влияние на историю и культуру античного мира. Чтобы подтвердить его вполне реальное влияние на историю человечества, достаточно сказать: совершая двенадцать великих подвигов, Геракл «обошел» весь известный к тому времени мир и даже вышел за его пределы (спускался в аид, посещал сады Гесперид, ходил в далекую Скифию и т. д.). Геракл (и Дионис) в значительной степени послужили мотиваторами, побудившими Александра Македонского оправиться на великие завоевания. Этот величайший полководец античного мира создал великую мировую державу, распавшуюся, правда, сразу после его смерти. Ш.М. Шукуров, констатируя влияние Геракла и Диониса на Александра, отметил, что в результате походов Александра родился новый ре-урбанизированный мир Средиземноморья антропоцентричного или, точнее, «александропцентричного» типа [158, с. 37–38].

Греки, колонизируя новые земли, обосновывали свое право закрепиться на новом месте тем, что там «уже побывал их Геракл». Так, Е.А. Захарова, на основе целого ряда свидетельств справедливо констатирует, что герой считался

непосредственным покровителем колонизации и колонистов, в том числе в Северном Причерноморье [52, с. 85–86]. А.С. Русяева называет Геракла «сакральным колонистом многих областей» [114, с. 51]. Авторы фундаментальной «Кембриджской истории древнего мира», исследуя особенности изображения подвигов Геракла в Селинунте (античном городе на южном берегу Сицилии, основанном греками в 628 г. до н.э.), называют Геракла «колониальным символом цивилизующей силы, схватившейся с дикими существами» [65, с. 893]. Этот лейтмотив прослеживается и в римской колонизаторской политике. Так, в городах-государствах Южной Италии существовала давняя традиция изображать на монетах Геракла, поскольку он воплощал успехи греческой колонизации региона. В дальнейшем эта традиция отчасти пришла и в Рим [87, с. 202–203]. Если под «Гераклом-цивилизатором» подразумевать народ, осваивающий новые земли и делающий их пригодными для проживания, то можно считать этого персонажа символом эллинов как народа-колонизатора и народа-цивилизатора.

Как вершитель двенадцати великих подвигов Геракл вошел и в русскую культуру. В настоящей работе предпринята попытка выявить восприятие и понимание его образа в раннем русском искусстве, а также в трудах летописцев, ученых и просветителей X–XIX вв. Будет интересно проследить, в каком ракурсе он воспринимался на всем протяжении истории Руси, а затем и России в указанный период, учитывая языческие корни его образа. Мы узнаем, как он был принят православной церковью, опиравшейся на византийскую религиозную доктрину, что знала (и чего не знала) о нем русская интеллектуальная элита – летописцы, ученые, просветители.

Более широкое исследование образа Геракла и интерпретации его подвигов на всем протяжении истории человечества (от ранней античности до XXI века) автор предполагает преподнести читателю в специальной монографии с рабочим названием «Двенадцать подвигов Геракла в античной литературе и нумизматике».

«Русское возрождение» и «русская античность»

В 384–385 гг. последний император единой Римской империи Феодосий I Великий (правил с 379 по 395 гг.) издает ряд эдиктов по уничтожению античных храмов. Подавление христианством античной религии, закономерно выразившееся в подавлении античного искусства, привело к существенному забвению сюжетов античной мифологии. Литературная традиция утрачивает к ней интерес, а если и вспоминает, то, часто, с критических позиций. Такое положение вещей сохраняется вплоть до середины XIV века, когда возникает так называемая «эпоха Возрождения» (Ренессанса). Эпоха получает свое название во многом благодаря возрождающемуся интересу к античной культуре. Геракл и его подвиги, наряду с деяниями иных персонажей древнегреческой мифологии, вновь удостаиваются внимания во всех видах искусства, начиная от литературы, и заканчивая изобразительным искусством и нумизматикой.

На территории Российского государства интерес к античности присутствовал на всех этапах его формирования и развития. В эпоху Киевской Руси (IX–XII вв.) знакомство с античностью происходило благодаря контактам с Византией, христианские письменные памятники которой несли на себе отпечатки античной мифологии и культуры. По справедливому замечанию В. Бычкова, детально исследовавшего христианскую культуру на всем протяжении ее развития, славянский мир уже у истоков своего существования воспринял понимание, например, философии, как единства знания и дела, теории и практики. Философия понималась и как единство античного и христианского духовных начал. В итоге, констатирует В. Бычков, можно вести речь об «антично-византийско-южнославянском духовном потоке, который, соединившись с духовной и художественной культурой восточных славян, породил русскую средневековую культуру» [29, с. 8–9].

Античное наследие изначально вошло в Россию через Византию, а не напрямую из греческих и римских первоисточников. Разумеется, история эллинизма в таких условиях получила «византийский окрас». Когда в 988 году при князе

Владимире Святославовиче произошло «крещение Руси», т.е. христианство оказалось возведено на уровень государственной религии, роль греко-римской культуры в славянском мире значительно возросла. На русский язык переводится греческая религиозная, а затем и иная доступная и вызывающая интерес литература. В эпоху Удельной Руси (XII–XVI вв.) сведения об античности увеличиваются в геометрической прогрессии, когда переводам подвергаются все новые и новые памятники, а также осуществляются свежие переводы текстов уже известных к тому времени на родном языке.

В XVI в. широко распространяется традиция летописания, в ходе которой монахи-летописцы иногда принимали во внимание философские и исторические источники античного периода. В это же время в школах увеличивается объем изучения греческого языка. В результате выпускники имеют возможность знакомиться с трудами греческих мыслителей в оригинальном изложении. Это закономерно порождает переосмысление накопленных знаний, критическое отношение к более ранним переводам и возникновение новых. Значительное накопление знаний об античности к эпохе Русского царства (1547–1721 гг.) и России периода империи (1721–1917 гг.) приводит к возникновению многочисленных реминисценций, заимствований, экстраполяций и т. д. Русская интеллектуальная элита проявляет заметный интерес к «седой древности» и начинает в некоторой степени «мыслить античностью» и античными категориями (мифами, сюжетами, символами, философией, искусством).

По наблюдению О.Н. Рыловой, уместно вести речь о феномене «русской античности», под которой можно понимать особое явление русской культуры. Концепт «русской античности» обусловлен выявлением в русской культуре культурно-исторических знаков, античных мифологических сюжетов и тем. Этот процесс может осуществляться на разных уровнях и включать в себя разные этапы: эпоху русского предвозрождения, русский XVIII век, золотой век русской литературы, серебряный век (первые десятилетия XX в.) и т. д. Каждый этап усвоения античности русской литературой, подчеркивает О.Н. Рылова, можно

рассматривать как своеобразную художественную систему с отличительным набором античных реминисценций, востребованностью этих заимствований в соответствующих культурных реалиях [115, с. 101].

Интерес к античности остро проявился у тех народов, которые не были исторически причастны к этой стадии культурного развития. По справедливому замечанию Г.П. Макогоненко, каждая нация и страна обращалась к античности в эпоху, определенную обстоятельствами их исторического и социального развития. В России яркий интерес к Древней Греции и Риму возник в начале XVIII в. В результате было выработано собственное отношение к античной культуре. В Европе к тому времени античность давно была открыта заново, а ее наследие осваивалось и возрождалось уже несколько веков. Проникнув в Россию значительно позже, античность и ее идеологическое наследие (философия, культура, искусство, символизм) послужили толчком для выработки собственной идеологии русского гуманизма, а также самобытного русского искусства. Переводы античных текстов послужили русским поэтам-классицистам образцами для подражания. Античные источники помогали на отдельных этапах и формированию исконно русской, самобытной и оригинальной поэзии [88, с. 256–257].

Феномен «русской античности» был характерен не только для литературы, но и искусства. Так, исследовав историческое изобразительное искусство России XVIII столетия (живопись, скульптура и графика на исторические темы) исследователи приходят к выводу, что в этом жанре у русских деятелей преобладают не столько темы из отечественной или всемирной истории, но главным образом мифологические и библейские сюжеты. Заметное место занимают сцены из античного эпоса. Столь широкое преобладание зарубежной тематики в русском историческом изобразительном искусстве исследователи объясняют «господством в России XVI–XVIII вв. античной традиции». Недостаточное внимание к отечественной истории даже заставило в 1764 г. М.В. Ломоносова на открытии Академии художеств подчеркнуть отрицательную роль односторонней приверженности к античности со стороны всего человечества. Античность заслоняла

родную историю и культуру. Лишь к исходу XVIII в. темы из русской истории начинают преобладать над античными. Внимание художников привлекают сюжеты из истории Древней Руси, жизни и деятельности Олега, Владимира Святого, Александра Невского и Дмитрия Донского [56, с. 179–180].

«Русская античность» в России стала следствием более широкого культурного феномена – «русского возрождения», под которым можно понимать процесс роста национального самосознания и одновременного с этим приобщения к мировой (в основном – европейской) культуре с его интересом к античному миру. Русское возрождение, начавшееся в России значительно позже европейского, датируется, обычно, периодом с конца XVII столетия до золотого века русской культуры – XIX в. Возрождение пришло в Россию в XVII–XVIII вв. в результате ряда реформ Петра I. «Прорубив окно в Европу», царь Петр не только основал Санкт-Петербург, но заложил основы русско-европейской интеграции, обусловил торговый и культурный обмен России со странами Европы.

Христианские традиции стали идеологической базой византийской культуры. Доминантная роль христианской религии в Византии породила приоритет духовности в литературе и искусстве, который создал разрыв между далеким божественным миром и миром реального человека. Однако византийская культура, выросшая из культуры Рима, а та, в свою очередь, выросшая из культуры Греции, постоянно ощущала на себе давление первоисточника. В искусствоведческой литературе справедливо подчеркивается, что для искусства эпохи средних веков связь с эллинистической традицией нередко была прогрессивным явлением, поскольку вместе с античными элементами это искусство впитывало в себя реалистические зерна, которые обычно способствовали «нейтрализации христианского спиритуализма» [57, с. 209]. Возвращение к эллинистическому наследию в эпоху Возрождения вновь вывело реализм и приоритет человеческой личности, его тела и образа на первый план. Эта же тенденция имела место и в России, которая с готовностью приняла возрожденческие идеи.

Концепт «русского возрождения» можно понимать двояко.

Во-первых, как русскую «долю» в общеевропейском интересе к светской (нерелигиозной) культуре, гуманизму (люди сами определяют смысл и направление своей жизни без сверхъестественного вмешательства) и антропоцентризму (человек – «центр вселенной»). Светская культура, гуманизм и антропоцентризм вместе с необычайным интересом к античности и составляют ядро понятия «европейское возрождение». Указанные понятия хоть и противоречили европейскому христианству во всех его проявлениях (католицизм, протестантизм, лютеранство, кальвинизм, цвинглианство и т. д.), но удивительным образом уживались и сосуществовали с ним. Более конкретным воплощением Возрождения в Европе, по словам М.С. Киселевой, явилось «культивирование» Слова, создание литературы на национальных языках, распространение придворного словесного творчества, городских публичных собраний с приглашением известных гуманистов и т. п. Другими словами, с тех событий, которые способствовали рождению как «ближнего» практицизма художников и архитекторов, так и «дальнего» практицизма путешественников и первооткрывателей новых земель [67, с. 364].

Во-вторых, как возрождающийся интерес ко всему «традиционно-русскому», например – восстановление русских культурных образцов после периода татаро-монгольского ига. В этот же период имело место и «антагонистическое сопротивление западноевропейским образцам» [155, с. 195], поскольку русский народ всегда искал «свой собственный путь». «Возрождение» в русской культуре совпадает с пониманием «возрождения национальной идеи», «консолидации нации», «возрождения и возвращения к культурным универсалиям, закрепленным русской культурной традицией» [153, с. 108]. Путь, по которому шла Россия, был далеко не единственным, но многообразным и противоречивым, причем в любую эпоху. Например, выделяется феномен «русского возрождения» рубежа XIX–XX вв., который связывается с особенным развитием русской философской мысли и художественной культуры в этот период [154, с. 161–162].

При этом, в одних случаях европейское возрождение воспринималось с готовностью, в других – отвергалось в пользу реставрации древнерусской культуры.

Характерной особенностью ренессансного человека, по мнению К.А. Сергеева, явилась полная открытость как в прошлое, так и в будущее, открытость во все стороны. «Революция разума» сформировала восприимчивость человека эпохи Возрождения к любому духовно-культурному наследию. Возрождение, по сути дела, как раз и создавало культуру в ее современном значении и понимании, выдвигая на первый план идею гуманизма и антропоцентрического мировоззрения. Возрождение стало культурой великодушия, способной вбирать в себя самые разнородные элементы, идеи и образы; поэтому оно осознавало себя прежде всего диалогически [117, с. 61–62]. Однако в России возрождение имело своеобразные черты. Это было связано с тем, что возрожденческая культура не родилась на русской почве, но оказалась заимствована у европейцев.

Ряд современных исследователей выделяют особенности «русского возрождения», а также указывают на условия сосуществования христианства, гуманизма, антропоцентризма и античной культуры. Так, А.В. Сухарев, констатирует, что в Европе и, прежде всего, в Италии в период с X по XVII вв. произошли существенные изменения, обусловившие относительно непрерывное и гармоничное развитие философии, искусств и естественных наук. В аналогичный исторический период в Древней Руси не было заложено достаточно оснований для «научно-технологического рывка». Необходимость решения проблемы философской и научно-технологической оснащенности общества, то разгораясь, то затухая, обнаруживает себя на различных этапах развития отечества, включая и сегодняшний день [134, с. 185]. Неготовность к самостоятельному возрождению, отсутствие «внутреннего русского толчка» к переосмыслению культурных реалий, всеобъемлющий диктат церкви, послужили тому, что в России с готовностью был принят европейский возрожденческий опыт на античном культурном базисе.

И.Д. Левин отмечал, что именно Возрождение создало культурную среду, в которой христианство могло не исчезнуть, но напротив – окрепнуть. Возрождение спровоцировало материализм, пантеизм, атеизм и т. д. Однако в атмосфере «революции разума» эти течения выступали не как догмы, но как продукты свободной мысли, состязающиеся с религией, но не подавляющие ее. И.Д. Левин справедливо указывает на европейские *межрелигиозные* войны, но не на *антирелигиозные* войны. Россия не являлась источником формирования возрожденческих идей, продолжает И.Д. Левин, она лишь восприняла и усвоила его готовые плоды. В России отсутствовало всестороннее и органическое развитие культуры по европейскому типу. Дальнейший исторический опыт показал, что это не пошло на пользу ни церкви, ни религии. Церковь и государство всегда взаимно опирались друг на друга, как позднее опирались друг на друга идеология и государство. При этом голое государственное принуждение лишь ослабляло моральный авторитет церкви и замедляло ее внутренний рост. Впоследствии, в результате Октябрьской революции, это вылилось в массовый атеизм [117, с. 62].

К похожим выводам приходит и видный русский философ, переводчик и полиглот (владел семнадцатью языками) Г.Г. Шпет, по мнению которого Россия могла взять античную культуру прямо из Греции, но не сделала этого. В России чурались «еллинских борзостей», боялись «соблазна западной «прелести», но не стремились «противопоставить ей дух живой веры в ее действительном источнике», не догадывались «обратиться к языку живого церковного предания и святоотеческих писаний». Были в этом и объективные языковые барьеры. Варварский Запад, констатирует Г.Г. Шпет, принял христианство на античном (латинском) языке и надолго его сохранил. Западный человек имел преимущество по сравнению с русским: с самого начала его истории, благодаря знанию латинского языка, античная культура была открытой книгой для западного человека. В «минуты утомления христианской культурой европеец мог отдохнуть на творчестве античных предков». Когда настала пора всеобщего утомления, сомнения и

разочарования, всеобщее обращение к языческим предкам возродило Европу [117, с. 62–63].

На заимствование русскими европейских идей указывает и М.С. Киселева, которая констатирует, что европейская интеллектуальность берет начало в античной культуре, а «книжный интеллектуал Средневековья» прокладывает путь интеллектуалу Нового времени опираясь на авторитеты античной философии. При этом в российской культуре катализатором изменений и исторических движений является «не механизм естественно-исторического порождения, а культурный механизм заимствования и выбора из того, что нужно или не нужно заимствовать для собственных потребностей на том или ином витке исторического движения российской культуры». При этом культура, питающаяся плодами заимствования, всегда открыта «чужому». В то же время она «ревностно» выбирает и тщательно фильтрует усвоенное. М.С. Киселева справедливо указывает и на такой факт: выбор от имени культуры осуществляет не столько народ в своей массе, сколько государственная власть. Последнее наиболее рельефно проявилось в крайней степени увлеченности Европой Петром I. Следствием этого реальное продвижение новой культуры идет чрезвычайно медленно и не без противостояния и активного неприятия новшеств со стороны идеологов и носителей традиции [67, с. 8–9]. «Образцово показательными» противниками новшеств явились, в частности, старообрядцы (раскольники).

Понятие «русской античности» и «русского возрождения» можно исследовать не только в комплексе (как феномен), но, прежде всего, путем изучения отдельных элементов античности в русской культуре (греческих и римских мифов, богов, героев, тем и т. д.). Возьмем в качестве предмета исследования Геракла – величайшего героя Древней Греции и попробуем определить его место в русской культуре, принимая во внимание только наиболее прямые и явные упоминания о нем. Упоминания Геракла и его подвигов можно встретить у многих русских поэтов, исследователей и просветителей, на удивление активно интересовавшихся греческой мифологией. Очаровательные греческие предания привлекали

не только европейских художников, писателей и мыслителей, но и отечественных ученых, энциклопедистов, историков и деятелей искусства.

Геракл в раннем русском искусстве и литературе

В Европе эпохи Средних веков господствовало христианство и его мировоззрение. Однако античные мифы и предания продолжали тенью преследовать христианско-набожных европейцев, культура которых выросла из культуры Греции и Рима. По замечанию В. Бычкова, целый ряд религиозных и нравственно-этических принципов, составивших, впоследствии, духовное ядро христианства, сформировались и выражались в той или иной форме в культурах античного мира, а именно – в древнееврейской и греко-римской. Однако, эти идеи не были господствующими. Лишь на рубеже христианской эры – у стоиков, киников, эллинизированных иудеев, а также в некоторых иудейских сектах они начали приобретать главенствующую роль, существенно повлияв на становление собственно христианской доктрины уже в среде учеников Христа и первых христианских мыслителей – ранних Отцов Церкви. Поэтому, заключает В. Бычков, многие истоки христианской культуры (которая не включает только лишь религию) можно обнаружить в различных элементах позднеантичной культуры [30, с. 9]. Можно констатировать, что корни христианского искусства углублялись в прошлое и несли античные соки к ветвям и кроне христианского дерева.

В этой связи особый интерес представляют изображения античного Геракла в местах, тесно связанных с ранним христианством. Так, город Рим известен не только обилием раннехристианских базилик, дошедших до наших дней (святой Агнесы – VII в., Санта-Чечилия-ин-Трастевере – VI в., святого Климента – IV в. и т. д.), но и огромным количеством катакомб. Последние считаются наиболее обширными по сравнению с иными городами. До сегодняшнего времени в Риме сохранилось не менее 60 катакомб общей протяженностью до 170 км. В них содержится не менее 750 000 отдельных захоронений разных эпох. Катакомбы, в которых сохранились многочисленные предметы живописи, дают исключительно ценный материал для понимания раннего христианства, его соотношения

с «язычеством». Если письменные источники доносят до нас мысли и оценочные суждения людей, то изобразительное искусство – визуализацию религиозных представлений.

В 1955 г. была открыта катакомба под виа Латина (лат. *Via Latina*) – «Латинской дорогой». Она получила официальное название «*Catacomba di Via Dino Compagni*» – «катакомба Дино Компаньи» и была датирована первой половиной IV в. н.э. Эта небольшая семейная катакомба («ипогей частного права» или «семейное кладбище») выделяется необычностью архитектуры: она отличается довольно четкой симметрией расположения кубикул (камер или «покоев») по сторонам главной галереи. Находку исследователи называют «сенсационной» по иконографии живописи, ее сохранности и высокому художественному качеству многих сцен.

В катакомбе под виа Латина оказались богато расписаны не только кубикулы, но даже стены галерей. Эти росписи содержат в своем составе библейские сцены, которые более разнообразны, чем обычно. Среди них исследователи идентифицировали истории Лота, Иакова, Иосифа, Валаама, Самсона, Авессалома. Рядом с библейскими сюжетами обнаруживаются «языческие» изображения Меркурия, Амура и Психеи, Гелиоса, Клеопатры, мифа об Алкесте и т. д. Здесь же были отрисованы некоторые подвиги Геракла. Тщательная реставрация, проведенная в катакомбе под Латинской дорогой, позволила уточнить особенности техники живописи. Этот редкий памятник был датирован первой половиной IV в. по стилю живописи, поскольку никаких прямых указаний на его датировку (например, эпиграфических) обнаружено не было [31, с. 595].

В современной фундаментальной по широте охвата «Православной энциклопедии» отмечается, что лейтмотив всего цикла росписей в катакомбе Дино Компаньи – вера в жизнь после смерти. Вспомним: Геракл «не умер после земной смерти», но оказался рядом с олимпийскими богами. Языческие мифы могли быть переосмыслены через сопоставление с христианским учением. Геракл, несколько раз изображенный с нимбом, выступает здесь в роли героя-

спасителя [22, с. 667], так, как это было в классическом греческом понимании его образа. Соседство христианских и классическо-эллинских божеств может свидетельствовать не только о захоронении в катакомбах приверженцев нескольких религий, но, в значительной степени удостоверить факт сближения двух мифологических и религиозных систем, об узнавании одного в другом.

Образ Геракла в античной мифологии и культуре носил ярко выраженный сотерический характер. Действительно, многие из убитых Гераклом существ являлись дикими и необузданными. Они воплощали в себе первозданное варварство неосвоенного людьми мира. Причиняя людям вред, дикие звери становились их врагами. Львы, вепри, дикие быки, дикие собаки нападали и калечили людей. Дикие кони, птицы, олени (лани) топтали или поедали посевы, с трудом возделываемые при низком уровне технологии орошения. Все эти персонажи воплощали собой безусловное, видимое, каждодневное зло, с которым боролся добрый Геракл. Недаром на многих монетах, начиная с наиболее раннего периода греческой истории, Геракл имеет эпитет «Сотер» (др.-греч. «Σωτήρ» – «спаситель»).

Зло, с которым боролся Геракл-спаситель в рамках двенадцати подвигов, было представлено во всех возможных ипостасях:

1) в виде смертельно опасных и/или диких зверей (Немейский лев, Эриманфский вепрь, Критский бык, кони Диомеда, Керинейская лань);

2) в виде выдуманных чудовищ, в основе которых могли лежать реальные прототипы диких животных (Лернейская гидра, прототип которой – обычная гидра; пес Цербер, прототип которого – злая собака; Стимфалийские птицы, прототип которых некие «злые» птицы, поедающие, например, посевы);

3) в виде вооруженных и опасных врагов-людей (амазонки);

4) в виде несправедливых и жестоких правителей (владелец похищенных коней – царь Диомед Фракийский);

5) в виде отравляющего воздух и провоцирующего болезни навоза (конюшни царя Авгия).

На первый взгляд только коровы Гериона и яблоки Гесперид не имеют ярко выраженных «злых» атрибутов. Хотя даже в этих случаях Геракл «попутно» истребляет явно недобрых персонажей: убивает трехтелого (сражающегося с утроенной силой) владельца коров – Гериона, а также убивает змея Ладона, охраняющего яблоки Гесперид. Получается, во всех случаях Геракл так или иначе борется с ярко выраженным злом в его всевозможных разновидностях: природное (стихийное) зло, зло в человеческом облики, зло в виде фантастических тварей, зло в виде болезни. Во всех случаях Геракл становится спасителем людей от зла, охранителем закона, порядка и покоя, символом воинствующей справедливости. Геракл в данном случае, по замечанию некоторых исследователей [40, с. 24–25; 90, с. 44], олицетворяет силы «Космоса», борющегося с «хаосом».

В исторической памяти, отмечает О.В. Гладкова, жили мифологические сюжеты, а в агиографии (богословской дисциплине, изучающей жития святых) часто можно было увидеть вариации одного и того же сюжета, источником которого оказывался античный миф. Так, сюжет о поимке Гераклом Керинейской лани, прослеживается в «Житии Евстафия Планиды», в котором рассказывалось, как стратилат на охоте погнался за необыкновенным оленем – символом Христа, а также в житии «западного двойника» Евстафия – Святого Губерта, в «Житии Петра Афонского», а много позже – в житиях Михаила Клопского и Александра Свирского. При анализе христианских текстов бывает сложно сказать, заключает О.В. Гладкова, насколько сознательно христианским автором учитывалась каждый раз языческая традиция: была ли это фиксация устного предания, вошедшего в себя блуждающий в литературах мотив, чье языческое прошлое уже стерлось, или же сознательная ориентация на героя древности, который в этом случае обязательно должен был получить свое знаковое место в христианской истории, как, например, Геракл, Орфей или Александр Македонский, ставшими прообразами Христа. При этом языческая мифология могла сознательно перерабатываться в элементы христианской церковной культуры [23, с. 401–411, 432].

В XIX в. отечественные исследователи христианского искусства отстаивали тезис о его независимости от искусства «языческого» и превосходства над ним. Так, Н. Покровский на страницах журнала «Христианское чтение» доказывал, что «характером христианства обуславливается совершенство христианского искусства и его отличие от искусства языческого как по внутренней идее, так и по роду». Автор обрушился с критикой на тех, кто считал, будто христианские художники настолько зависели от языческих, что заимствовали у них образцы для библейских сюжетов. Касательно разбора изображений в некоторых катакомбах, где христианские сюжеты соседствовали со сценами из греческой мифологии, Н. Покровский считал погребенных в них людей представителями «партий тех многочисленных гностико-синкретических сект, религиозное исповедание которых составляло смесь сирийских, фригийских, римских и христианских представлений». Отмечая, что «синкретисты нередко изображали на гробницах вечерю или пир отчасти по языческому, отчасти по христианскому способу», он вынужден был признать, что «смешение христианских понятий с языческими было модным явлением в III–IV веках» [102, с. 15–17]. Таким образом, Н. Покровский считал такого рода изображения не «подлинно христианскими», но выполненными в интересах «синкретистов-гностиков».

Более широкие сопоставления за границами III–IV в., однако, показывают, что изображения Геракла, позволительные в раннехристианском искусстве, оказываются столь же допустимыми и в эпоху «развитого христианства», а именно — в классическое средневековье. Мифы о Геракле в эту эпоху возникают в самом, казалось бы, неожиданном месте. К примеру, на западном фасаде церкви Святого Марка в Венеции имеются два рельефа с изображением подвигов Геракла, датированные XI–XII вв. На одном из них изображен Геракл, несущий Керинейскую лань. На другом запечатлено укрощение Эриманфского вепря. Рядом с Гераклом уместилась маленькая фигура Эврисфея. Здесь присутствуют два таких же парных рельефа, изображающих святых воинов, а также еще два рельефа с фигурами Благовещения: на одном изображена Мария, на другом — архангел Гавриил.

Рельефы на фасаде церкви Святого Марка в Венеции выбраны и сгруппированы так, чтобы образовать единое целое, где светские и церковные сюжеты сближены вокруг одной основной темы. Эта тема – воплощение силы или могущества [36, с. 249–250]. Совместное присутствие греческих мифических героев, в том числе языческого бога Геракла, с библейскими персонажами на христианском храме, показывает, насколько само христианство положительно воспринимало этого героя. По мнению А.Н. Грабара, вся серия рельефов, византийских по происхождению, которые были вставлены во внешние стены церкви Святого Марка (там был изображен и Александр Македонский), отвечала, кроме эстетических целей, еще одной: они служили апотропеями (оберегами), защищавшими от злых сил [36, с. 251].

Считать этот сюжет сугубо светским, «случайно» проникшим в декор церкви, будет неверно. В «Православной энциклопедии» при описании сюжетов церкви Святого Марка справедливо отмечается: хотя рельефы принадлежат к языческим изображениям, они получили в средневековом искусстве новое христианское осмысление. Верующими, а также законодателями церкви, позволившими вплести античные сюжеты в убранство храма, изображение подвигов Геракла (удушение Немейского льва, поимка Керинейской лани и убийство Лернейской гидры) воспринималось как аллегорический образ Христа – разрушителя зла. Сам мифологический сюжет вполне мог подвергнуться переосмыслению и быть понятым как аллегория спасения [33, с. 714]. Архетип Геракла-спасителя узнается и возрождается в образах христианской мифологии, близких ему по функциям, становится тождественным библейским героям.

В изобразительном искусстве эпохи Киевской Руси (IX–XII вв.) подвиги Геракла обнаруживаются в аналогичном по функциям месте – на рельефах Киево-Печерской лавры. На одном из них изображен юный Дионис в колеснице, которую тянут две пантеры, на другом – Геракл (или Самсон), борющийся со львом. А.Н. Грабар отмечает: невзирая на угловатость стиля и неловкость рисунка, эти плоские рельефы замечательны своей монументальностью. Рельеф с Геркулесом

напоминает плиту в церкви Святой Екатерины в Салониках, где ощущается также влияние мусульманской декоративной скульптуры (на киевском рельефе этих влияний не заметно). Наиболее интересен, продолжает А.Н. Грабар, выбор сюжетов: Геркулес – это олицетворение силы, Дионис в колеснице – символ победы. Другими словами, киевские рельефы фасадов, также, как и рельефы фасадов святого Марка в Венеции, изображают могущество и триумфы. Это означает, что в Киеве рельефы с Гераклом также выполняли функцию апотропеев, ограждающих церковь от сил зла [36, с. 253].

Проникновение в Русь изобразительных мотивов древнегреческого толка, как и в Венецию, происходило посредством контактов с Византией. По мнению А.Н. Грабаря, в Византии были популярны циклы изображений, заимствованных как из современной жизни, так и прославлявших героев из античных мифов. В XII в. византийские императоры Мануил I Комнин (1118–1180 гг.) и Андроник I Комнин (1118–1185 гг.) поощряли изображения собственных подвигов на стенах дворцов. Славянские царедворцы воспроизводили эти картины в своих хоромы. От этих стенописей, отмечает А.Н. Грабарь, ничего не сохранилось, но можно предполагать, что им придавали героическо-эпический характер. Эпизоды из жизни византийских императоров чередовались со сценами из жизни знаменитых монархов древности и из истории легендарных героев, включая Геракла. Знакомство с этими византийскими циклами, заключает А.Н. Грабарь, могло вызвать у русских князей не только желание видеть у себя более или менее полные и точные воспроизведения этих циклов. По аналогии с византийской историей могла создаваться история Руси и славян в картинах [36, с. 238, 254].

Подвиги Геракла обнаруживаются и в декорациях Дмитриевского собора в г. Владимир. Собор выстроен Всеволодом Большое Гнездо по летописным сведениям в 1194–1197 гг. Храм получил известность, помимо прочего, из-за белокаменной резьбы на внешних стенах, которые украшают почти 600 рельефов. Значительная часть рельефов дошла до наших дней. В числе сохранившихся – мифические и реальные животные, а также святые. Считается, что эти рельефы,

возможно, украшали светское здание (например, князя), и лишь спустя какое-то время оказались в архитектурном комплексе храма. Центральное прясло западного фасада собора изображает, по меньшей мере, три подвига Геракла: удушение Немейского льва, убийство Лернейской гидры и истребление Стимфалийских птиц.

В современной «Православной энциклопедии» отмечается, что любовь к подобного рода сюжетам в декоре Дмитриевского собора во Владимире могла иметь в своей основе стремление отразить и конкретизировать в наглядно-материальных формах значение храма как образа мира. Проявляется также желание представить своеобразную «номенклатуру» Божиих творений. По другому предположению, замысел мог быть вдохновлен библейским описанием храма Соломона [27, с. 523] – Первого Иерусалимского храма (950–586 гг. до н. э.), олицетворявшем объединение Израильского царства.

В.П. Даркевич, опубликовавший и подробно описавший рельеф Дмитриевского собора, подчеркивал: в XII в. возрождение интереса к подвигам Геракла прослеживается не только в России, но и в Европе. Мифологические сюжеты Древней Греции зафиксированы в искусстве Рейнской и Маасской областей XII в. Канонические подвиги Геракла получают в этот период особое распространение – т.е. еще задолго до начала эпохи Возрождения. Это было обусловлено тем, что в подвигах Геракла уже ранние христианские мыслители и представители церкви усматривали родство с символами христианства [39, с. 254; 38, с. 92].

Идея о родстве подвигов Геракла с сюжетами и символами христианства представляется вполне обоснованной. Так, широко известное библейское противостояние Самсона и льва было сопоставлено с первым подвигом Геракла – удушением Немейского льва. Рассмотрим более подробно, как посредством христианства транзитным путем осуществлялось проникновение в русскую культуру персонажей греческих мифов, в том числе – Геракла. Согласно «Библии»,

однажды Самсон увидел в г. Тимне красивую филистимлянку и решил жениться на ней.

Самсон отправился в Тимну вместе с отцом и матерью. Когда они дошли до виноградников Тимны, то навстречу Самсону, рыча, выбежал молодой лев. Дух Господа охватил Самсона, и Самсон голыми руками разорвал льва на куски, как козленка. Но отцу с матерью рассказывать об этом не стал.

*«Библия». «Книга судей израи-
вых». 14:5–6 [23, с. 290].*

Невзирая на совершенно разные детали борьбы со львами Самсона и Геракла (Геракл убил Немейского льва по приказу Эврисфея, а Самсон наткнулся на льва случайно, Геракл задушил льва, а Самсон – разорвал), это не помешало христианским мыслителям увидеть в Геракле библейского Самсона, а также прийти к более широкому обобщению. Результатом этого обобщения стало восприятие Геракла как христианского борца с силами зла. Это сегодня мы рассматриваем и сравниваем миф в деталях, в то время как в Средневековье достаточно было небольшой внешней схожести для вывода о тождественности.

Дать исключительно положительную характеристику Гераклу предпринял византийский монах и летописец Георгий Амартол (IX в.) в своем «Временнике» («Хронике»). Это сочинение, рано переведенное на русский язык, послужило фундаментальным источником о греческой мифологии для древнерусских авторов. В «Хронике» Георгия Амартола излагается всемирная история, где за точку отсчета было принято сотворение мира и первый человек – Адам. Сама «Хроника» была доведена до 842 г.

Хроника Георгия Амартола очень мало сообщала древнерусскому читателю об античной мифологии. Она скорее была способна внушить ему неприязнь к верованиям и обычаям древних. Текст «Хроники» позволяет заключить: усилия ортодоксального хрониста преследовали именно такую цель [138, с. 6]. Почему же «антихристианский» подтекст мифов о Геракле, ставшем языческим богом, игнорировался? Ответ на этот вопрос мог дать сам «авторитетный»

христианский летописец и интерпретатор, «методология» исследования античной истории которого базировалась на следующей аксиоме:

<Так как> Моисей был древнее древних эллинских мудрецов, Гомера, и Гесиода, и троянцев, Геракла же и Мусея лидийца, а также и Орфея, и Диоскуров, Асклепия и Диониса, и Гермеса, Аполлона и эллинских <мистерий и> обрядов, и самих деяний Дия [Зевса], поэтому ясно, что некоторые лучшие из них заимствовали у него писания. Ведь все они были после Кекропа, и древнейшими из них были Гомер и Гесиод.

Итак, этот Моисей был назван учителем всех мудрецов, истолкователем невыразимого, божественным проповедником истины, ибо, отвергнув египетскую премудрость, он лучше всех объяснил истину об устройстве этого мира, очевидно, проповедуя от <самого> Бога всех и Создателя всего живого. <Ведь> он говорит: «В начале сотворил Бог небо и землю». И многие из эллинов, дерзнув, пошли против этого; говоря недостойное, в бездну <неведения и> нечестия вошли. <И> справедливо. Ведь учения, исходящие [из] человеческого домысла, слабы и неустойчивы. Поэтому ни одно из их суждений не остается неподвижным: его всегда последующее низлагает. Так что нам не надо их обличать, их самих довольно друг для друга, (чтобы доказать) их безнравственность.

*Георгий Амартол. «Временник»
(«Хроника»).*

Книга 1 «Краткий Временник».

Глава 28. 2 [89, с. 55].

Будучи «древнее древних мудрецов» христианский пророк Моисей – главное действующее лицо четырех книг «Пятикнижия» – «Исхода», «Левита», «Чисел» и «Второзакония», называемых иногда в совокупности «Законами Моисея». Пророк Моисей мыслится Георгием Амартолом как «источник» знания для Гомера (VIII в. до н.э.), историческое существование которого иногда подвергается сомнению, и Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.) – первого исторически подтвержденного греческого поэта. По-видимому, Георгий Амартол имеет в виду темы

античных мифов о богах и героях, сюжетно пересекающиеся с библейскими. Даже Геракл сравнительно молод по отношению к Моисею.

Что касается Геракла, то для Георгия Амартола – он реальная личность, жившая во времена Самсона («Временник». Книга 3 «Судя Израиля». Глава 35) [89, с. 107]. Геракл характеризуется византийским автором следующими словами.

Итак, первыми назвали богами солнце, и луну, и звезды, и небо, и землю, и прочие стихии египтяне и финикийцы; от них переняв, служили (им) как богам эллины. По прошествии же времени эллины сделали богами и тех, кто совершил какое-то доброе дело или храбро сражался, как, <например>, доблестный <и> храбрый Геракл. И Асклепия после смерти богом нарекли, из-за искусства врачевания... Научившись от них, <и> римляне своих царей после смерти богами делали.

*Георгий Амартол. «Временник»
(«Хроника»).*

*Книга 2 «Начало Временника».
Глава 6 [89, с. 71].*

Популярность «Временника» Георгия Амартола, впервые переведенного на славянский язык в XI в., способствовала формированию «амартоловского» восприятия античности у многих, кто его прочел. Положительная характеристика Геракла, игнорирование «языческой» окраски его образа (по меньшей мере, отсутствие критики его «возведения в боги» со стороны многих христианских авторов), успешно способствовала отождествлению Геракла с Самсоном. По «расчетам» византийского летописца, оба они «удачно» жили в одно и то же время. Отметим, что эпитет Самсона в виде «библейский Геракл» встречается и в современной исследовательской литературе [94, с. 325; 135, с. 187–194, 424].

Причину обожествления Геракла пытались объяснить еще так называемые «Отцы Церкви» – выдающиеся ранние христианские авторы, сформировавшие основные христианские догматы, принимавшие участие в составлении книг

«Библии». К примеру, один из греческих Отцов Церкви Афанасий Великий (ок. 295–373 гг.), Архиепископ Александрийский, в труде «О воплощении Бога – Слова и о пришествии его к нам во плоти» разъяснял: «Эллины Гераклу, как богу, поклонялись за то, что сражался с равными себе людьми и хитростью умерщвлял зверей. Что же значит это в сравнении с тем, что совершено Словом? Оно (Слово) изгоняло из людей болезни, бесов и самую смерть» (Афанасий Великий. «О воплощении Бога – Слова...». 49) [121, с. 157]. Отмечая большую значимость и силу божественного Слова, доказывая преимущество христианской веры перед языческо-эллинской, греческий автор считал причиной обожествления Геракла его заслуги в победе над людьми и зверями. Афанасий Великий не сомневался в подлинности Геракла как исторической личности, жившей в седой древности.

«Амартоловский» принцип признания Моисея «древнее древних эллинских мудрецов», а также утверждение факта, что «некоторые лучшие из них заимствовали у него писания», прослеживается и в русских источниках, сочиненных церковными деятелями. Так, епископ русской православной церкви Феофан Прокопович (1681–1736 гг.), известный также как писатель и теоретик литературы, в «Слове похвальном о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими...» писал:

Галерам наступать на корабли, котории оных не стрельбою огненною, но единым нашествием не победить, но в щепы разбить могут, обычное ли дело? В таковом сил неравенстве дерзнуть на бой дивно, вступить в бой предивно, а победить – и удивление побеждает. Что бо сему обрящем подобное? Есть повесть еллинская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечем и, три дни утробу его разоряя, умертвил его. Было бы се ныне виктории нашей подобное, да есть фабула, знатно из истории пророка Ионы выплетеная [144, с. 110].

Согласно «Библии», Иона получил от бога задание проповедовать в Ниневии, предсказав тамошним жителям гибель города за их нечестивость. Вопреки велению, Иона сел на корабль и отправился в далекий Фарсис (Таршиш). По божьему велению на море поднялась буря. Моряки бросили жребий чтобы узнать,

кто из них провинился перед богом. Жребий выпал Ионе, и он сознался в неповиновении. Тогда спутники бросили Иону в море и его проглотил кит («большая рыба»). Море улеглось. Пробыв в чреве кита три дня и три ночи Иона начал молиться, и бог повелел киту исторгнуть пророка на сушу, живым и невредимым («Библия». «Книга пророка Ионы» [23, с. 1015–1017]). По мнению Феофана Прокоповича, история, приключившаяся с пророком Ионой – подлинная и первейшая, а легенда о похожем приключении Геракла – вторична, фабула которой заимствована из Священного Писания.

Не меньшую популярность на Руси имела еще одна «Хроника» за авторством византийца Иоанна Малалы (ок. 491–578 гг.). На сегодняшний день полноценный перевод на русский язык этой «Хроники» в полном объеме отсутствует, что вызывает справедливое осуждение даже со стороны ученых [55, с. 5]. В ней личность Геракла имеет еще более положительный облик, нежели в одноименном произведении Георгия Амартола. «Хроника» начинается от Адама и прерывается на 563 г. О.В. Творогов, детально исследовавший фрагменты «Хроники» в древнерусских источниках, а также опубликовавший отрывки из них, отметил: «Хроника» Иоанна Малалы весьма охотно и подробно рассуждала об античных мифах и легендах. Когда дело доходит до сына Зевса «Ермии» (Гермесе) и о Иракле (Геракле), атрибуты Геракла – львиная шкура на плечах, палица и яблоки, добытые у Гесперид, описываются у Малалы как символы добродетелей. Львиная шкура – это твердый ум, палица – мудрость, которой он подавляет «злые похоти», а три яблока – три добродетели: не быть гневным, златолюбцем и не прелюбодействовать [138, с. 6–7].

Изучив источники, послужившие основой для «Хроники» Иоанна Малалы, отечественный филолог-славист И.А. Мещерский, отметил, что они не ясны. Как и другие хронисты Византии, Малала цитирует предшественников, не называя их имен. При этом Малала нередко огрублял и прямо искажал пересказываемые сведения, поскольку он, вероятно, не всегда хорошо понимал даже классический греческий язык, не говоря уже о трудах, написанных латинскими или другими

иноязычными писателями. Иоанн создавал свой труд не на классическом древнегреческом языке, но использовал раннесредневековое простонародное греческое наречие, изобиловавшее разговорными элементами. Сама стилистика текста была «настроена» на ее восприятие простыми людьми с минимальной грамотностью. Можно утверждать, что одним из главных источников Малалы была «Хроника» древнейшего раннехристианского хрониста Секста Юлия Африкана (ок. 160 – ок. 240 гг.), «Хроника» Несториана, доведенная до 474 г., труды хронистов Павсания, Домнита, Феофила и Тимофея [92, с. 95].

На рубеже XV–XIV в. на Руси становятся популярны местные «Хронографы», написанные по образцу византийских. Они переняли все их достоинства (понятность простым людям, краткий, но в то же время широкий по темам и объему информации срез знаний) и недостатки (упрощенное понимание мифов и истории, в том числе с критическо-христианских позиций, неточное изложение классических греческих текстов, отсутствие сверки с первоисточником и т. д.). История этого особого жанра древнерусской письменности началась, по мнению О.В. Творогова, с составления хронографической компиляции, которую древнерусские книжники называли «Хронографом по великому изложению». «Хронографы» явились попыткой систематизации исторических сведений, в число которых были дополнительно включены знания по истории Древней Руси, а также некоторые события из греческой истории.

Первый «Хронограф по великому изложению» явился компиляцией, основанной на Хронике Георгия Амартола (IX в.) и, в меньшей степени, на Хронике Иоанна Малалы (491–578 гг.). В 1512 г. появляется версия «Хронографа» со вставками, свидетельствующими об интересе его составителя к античной культуре и мифологии. В «Хронографе» версии 1617 г. автор ввел несколько статей, посвященных античной мифологии. Внимание составителя привлекли мифы о Кроне (Сатурне), о борьбе богов с титанами, о Геракле, Персее, Прометее, Дедале и Икаре, Вулкане, Орфее и т. д. [140, с. 223].

Посвятив специальное исследование источникам проникновения античных сюжетов в древнерусскую литературу, О.В. Творогов пришел к выводу, что наиболее древними источниками сведений об античной мифологии явились переводы именно двух указанных византийских «Хроник». Обе «Хроники» отражались в «Хронографе по великому изложению», ставшем древнерусской хронографической компиляцией. Они использовались уже при составлении Начального свода – в 90-х гг. XI в. Этим временем О.В. Творогов датирует и начало знакомства древнерусских книжников с античной культурой в целом.

Круг источников, из которых древнерусский автор мог почерпнуть сведения об античной мифологии, О.В. Творогов считает весьма ограниченным. Суммировав факты знакомства древнерусской литературы с античной мифологии, причём не на уровне широких обобщений, а на уровне исследования реальной истории реальных памятников, названный автор называет следующие источники: 1) две указанные византийские хроники, 2) романы об Александре Македонском (Хронографическая и Сербская «Александрии»), 3) произведения о Троянской войне («Притча о кралех» и роман Гвидо де Колумна «История разрушения Трои»), 4) слова Григория Богослова, а также 5) сочинения Максима Грека. Последний отрекся, по его словам, от «гнилых басней и учений» своих «прародителей еллинех», но все же посчитал необходимым поведать их содержание любознательным русским книжникам [138, с. 4–5].

Восприятие львиной шкуры на плечах, палицы и яблок, добытых у Гесперид как добродетелей Геракла, перешло и в русские летописи (хронографы). Например, эта интерпретация, напрямую заимствованная из «Хроники» Иоанна Малалы, зафиксирована в отечественном «Тихонравовском хронографе», созданном в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XV либо в XVI в. [146, с. 334]. В полной мере эта интерпретация нашла отражение и в крупнейшем древнерусском компилятивном своде «Летописец Еллинский и Римский», датированном XV в. Этот источник содержит изложение всемирной истории от сотворения мира и до времени византийского императора Романа Лакапина (правил в 920–

944 гг.). Текст «Летописца...» имеет добавление перечня последующих византийских императоров вплоть до Мануила II Палеолога (правил в 1391–1425 гг.) и русской статьи о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. Текст памятника издан и детально прокомментирован О.В. Твороговым. История рождения и характеристика образа героя выглядит в «Летописце...» следующим образом:

Фивии бо глаголють, яко Диу [Зевс] ко Алкомине [Алкмене], жене Фитриок [Амфитриона], примесися, роди от нея сынъ именем Иракль [Геракл]; Его же Иракла нарицают Тримрачна. Тъи показа пръвее в вечерних частех мудрость. Сего бо живущии от племени его прозваша звезду на небеси по имени его. Се суть бозе были безбожных еллинъ, яже о них еллинъстии баснотворци басни бают, а не суть бозе, но человеце волхвоуе – зверовиднаго Иракла, егоже глаголють въ лвеи язвени ходяща, и палицю имуща и три яблока дръжаща, яже три яблока ему отемшу в кощуну, глаголють, палицею убивше змиа, рекушу, одолевшу трем чястем злым похотем ума мудростию, аки палицею, ходяща в котызе, яко въ лве язвене – въ тверде уме. И тако от(ъ)емше три яблока, еже суть трие доблии нраве: еже не быти гневливу, ни златолюбцу, ни блуднику, палицею бо трепеливыя душа и язвеном буюю мысль уму победы, земную скверную похоть, нудяся мудръствовати и до смерти, якоже Диодор мудрый списа.

«Летописец Еллинский и Римский».

*«О Пики Диу, како отца своего Крона в тимении утопивъ, сам царствова»
[77, с. 9; 78, с. 9].*

Нельзя не отметить исключительную значимость византийской переводной литературы для формирования представлений об античности на Руси, начиная, по меньшей мере, с XI в. Подчеркивая важность переводов, И.А. Мещерский справедливо констатировал: памятники переводной письменности связывали литературу и культуру Древней Руси и славянских стран эпохи средневековья с литературой и культурой античного мира. Благодаря компилятивному характеру

«Хроник», происходило знакомство не только с классическими текстами Греции, Рима и христианской Византии (пусть даже с искажениями), но и с литературой Древнего Востока – Египта, Сирии, Палестины. Эти памятники, продолжает И.А. Мещерский, давали славянам и русским возможность исторического самоопределения, способствовали поиску своего места в мировом историческом процессе. Само русское летописание генетически связано с византийскими прототипами. Переводная письменность, заключает И.А. Мещерский, обогатила умственный кругозор славянских народов, относительно поздно включившихся в культурный круг народов Средиземноморья. В русское мышление вошло множество отвлеченных научных и философских представлений и понятий, до того момента не существовавших в сознании предков [92, с. 4–5].

Невзирая на принадлежность русских авторов «Хронографов» к христианской вере, они, как и предшествовавшие им авторы хронографов византийских, актуализировали мифологическое сознание читателей. В этой связи интересны выводы Е.А. Костюхина, по мнению которого, мифологическое сознание людей, читавших «Хронографы», не только базировалось на представлениях, восходящих к языческой архаике, но постоянно «подпитывалось» литературными источниками. По содержанию текста и критериям отбора тем статей «Хронографов», представлявших собой «средневековые энциклопедии», можно судить о мировосприятии грамотного древнерусского человека и круге его знаний. Богословская историография содержала множество мифологических образов и сюжетов, большей частью восходивших к мифологии античной и библейской. Мифологические образы мощно воздействовали на воображение древнерусского читателя. Несмотря на рационалистическое истолкование древнегреческих мифов, мифологическое содержание не выветривалось из них окончательно. Зевс превращается в законного наследника престола, царствовавшего 62 года, а боги с героями получают «человеческие» характеристики: Зевс – «любодей», Дионис (Денисий) – «начальник пьянству», а Геракл – «зверовиден» [68, с. 562].

Среди памятников книжного искусства Руси особо выделяются так называемые «лицевые» хроники – иллюстрированные рукописи или «своды в лицах». Русский историк-энциклопедист В.С. Иконников, оставивший после себя фундаментальную аналитическую библиографию «Опыт русской историографии» (в четырех книгах), упоминает о существовании переписанного и дополненного варианта «Хронографа второй редакции» с иллюстрациями. Он замечателен тем, что содержит 112 «лицевых» изображений, относящихся к библейской и новозаветной истории, апокрифическим сказаниям, а также к классической мифологии. По сведениям В.С. Иконникова, известный ему вариант «Хронографа второй редакции» содержал 31 изображение Геркулеса [54, с. 1375].

Исключительное значение для понимания русского книжного искусства в этой связи имеет легендарный «Лицевой летописный свод» Ивана Грозного, изготовленный в единственном экземпляре в 60–70-х гг. XVI в. На десяти тысячах листов тряпичной бумаги оказались запечатлены аккуратным почерком и отражены в картинках тексты «Библии», а также доступные к тому времени материалы римской, византийской и русской истории вплоть до 1567 г. В этом уникальном историческом памятнике компилятивного характера было уделено внимание и Гераклу. Правда, в неожиданном месте: в главе с названием «Начало царства Римского».

Авторы «Лицевого летописного свода» сообщали любопытному читателю, что «Ираклит [Геракл] родился в преждереченной Галатоофийской [Лато в Фиваиде] от Алкмены, и Гераклов род – от Пика Диоса [Зевса]; вскормлен был в Спанийской стране и добр был. Пришел же тогда из Испании в Италию, убегая от Ересфея [Эврисфея] царя, и царствовал лет 38. В Италии же взял жену Аугью [Авгу], дочь Алея царя, [и] царствовал [там], а поскольку был из племени Пика Диоса, поэтому и статую его в одеянии золотом поставили Итмейские цари, сиречь, Риги, из племени, царствующего в крайних западных странах, где статуи и доныне стоят. Прошло от Адама до тех [царей] 5 307 лет» [79, с. 406–408].

Этот рассказ авторы «Лицевого летописного свода» уместили на трех листах, снабдив его соответствующим количеством миниатюр. Читатель, возможно, впервые в истории русской литературы и русской миниатюры видит маленького Геракла, запеленатого в белое покрывало на руках у кормилицы(?). Здесь же, на кровати, лежит родившая его Алкмена (рис.). Неподалеку, быть может, стоит земной отец Геракла – Амфитрион. Не беда, что все герои миниатюры одеты в типичную русскую одежду. На редкого читателя «Лицевого летописного свода», изготовленного в единственном экземпляре, эти рисунки оказывали головокружительный эффект, поскольку были максимально понятны и вписывались в современные культурные реалии. На другой миниатюре Геракл, увенчанный короной, представлен как благой «царь Италии (Рима)». В доказательство благости правления, подданные воздвигли ему многочисленные статуи, «дошедшие до наших дней», как о том сообщают авторы «Лицевого летописного свода».

Рис.1. Миниатюра «Рождение Геракла».

Размещена в «Лицевом летописном своде» над текстом, описывающим обстоятельства и место рождения Геракла [79, с. 406]

Читатель (как и сами авторы) воочию видели и ощущали связь времен, причастность русской истории к истории библейской, да и к общемировой хронологии. Постановка «доброго» Геракла в один ряд с Адамом, назначение Геракла «царем Италии», а также «вычисление» времени между Адамом и правлением Геракла, свидетельствует о безусловной вере русских книжников в существование героя греческих мифов как подлинного исторического персонажа. Понимание Геракла как «благого царя» позволило вписать его образ и деяния в понятную русскому человеку социальную и сословную среду. Особенно лестно это

было, быть может, для царя Ивана Грозного – заказчика миниатюр, ведь он, как царь, был поставлен в один ряд с Гераклом и иными правителями Древнего Мира. Далее по тексту «Лицевого летописного свода» читатель еще не раз встретит «Геракла Прехвального» и даже узнает весьма экзотическую версию о его смерти «от раны», полученной, судя по всему, в борьбе с Ахелоем.

Несмотря на содержание «Лицевого летописного свода», сам Иван Грозный достаточно холодно отзывался о греческих богах и, будучи православным, осуждал эллинистическую религию. В знаменитой переписке с опальным князем и военачальником Андреем Курбским (1528–1583 гг.), перебежавшим в 1654 г. в самый разгар Ливонской войны в Великое княжество Литовское, Иван Грозный сначала отметил, что эллинские боги были признаны таковыми за свои пороки столь же порочными людьми, заинтересованными в их покровительстве. После чего обозначил какой именно «порок» олицетворяет соответствующее божество:

Ты же [Андрей Курбский] называешь христианскими предстателями смертных людей, уподобляясь эллинскому суесловию: они ведь уподобляли богу Аполлона, Дия, Зевса и многих других дурных людей, как говорит об этом в своих торжественных словах Григорий, названный Богословом... И иные многие сквернейшие языческие деяния, ибо за пороки свои они богами были признаны, за блуд и ярость, несдержанность и похотные желания. И если кто из них какую страстью был одержим, то по этому пороку и бога себе избирал, в которого и веровал: Геракла как бога блуда, Крона – ненависти и вражды, Арея – ярости и убийства, Диониса – музыки и плясок, и другие по порокам своим почитались за богов. Им ты и уподобился своими стремлениями, ибо тоже посмел называть смертных людей предстателями, дерзая славы и бестрепетно хуля. Так же, как эллины почитали богов в зависимости от страстей своих, ты восхваляешь изменников, будучи изменником сам.

Иван Грозный. Первое послание Андрею Курбскому [97, с. 145].

Можно согласиться, что Арес олицетворял ярость и убийство, а в мифологии и культе Диониса действительно можно обнаружить отчасти покровительство «музыке и пляскам». Однако Крон (Кронос) был соотнесен Иваном Грозным с «ненавистью и враждой», а Геракл был объявлен «богом блуда». В последнем крайне спорном утверждении автор текста не был виноват, поскольку не изучал греческую мифологию в античных подлинниках (или их переводах), но основывался на ее пересказе и негативной оценке со стороны некоторых византийских христианских авторов. Критика языческих божеств также могла быть вызвана неумным желанием Ивана Грозного оппонировать Андрею Курбскому во всем, в чем только можно, обвиняя во всех смертных грехах, намеренно переиначивая доводы оппонента, нередко – передергивая факты и лукавя [97, с. 193].

Д.М. Буланин справедливо обратил внимание на тот факт, что в перечне богов, перечисленных Иваном Грозным, упоминание Геракла выглядит достаточно нетрадиционно, поскольку «блуд» чаще всего и вполне обоснованно отдавался под покровительство богини любви и красоты Афродиты. Она изменяла своему мужу (Гефесту) с Аресом, что явилось популярной темой для обсуждения в античной Греции и Риме на протяжении всего периода их существования. Роль Геракла в письме Ивана Грозного, отмечает Д.М. Буланин, могла иметь в качестве источника толкование Никиты Ираклийского (XI в.) на «Слова» Григория Богослова (325–389 гг.) («Слово» 4). Там, в частности, сообщалось о тринадцатом подвиге Геракла – «растлении пятидесяти дочерей Феспия» [25, с. 3–4] (подробнее см. в разделе «Тринадцатый подвиг» Геракла»).

Перекочивая из византийской хроники в русскую книжную культуру, мифы о Геракле, а также положительная в целом характеристика его образа, оказали значительное влияние на читателей, сформировав их представления о герое. Отсюда становится неудивительным проникновение образа Геракла даже в церковное изобразительное искусство. Следует отметить, что образ Геракла в «Хронике» Иоанна Малалы является чрезвычайно приукрашенным. Среди «безбожных еллинов» Геракл предстает на удивление незапятнанным персонажем.

Очень часто игнорируется факт поклонения ему греков и римлян как богу. Изначальный автор текста либо не знал мифы о Геракле и его обожествлении в полном объеме (что маловероятно, учитывая бесчисленные храмы и часовни Геракла, изображение Геракла на монетах и т. д.), либо сознательно их игнорировал. К примеру, палица, якобы подавляющая «злые похоти», никак не вяжется с упомянутым деянием Геракла, связанным с соблазнением пятидесяти дочерей Феспия. В античный период это было зачислено в его «тринадцатый подвиг» [128, с. 462].

Легенды об античных богах героях в России почти всегда настигали читателя «через десятки руки», посредством переводов и изложений, существенно искажавших оригинальные древнегреческие мифы. Достаточно вспомнить слова Ивана Грозного в Первом письме к Андрею Курбскому, будто Геракл – «бог блуда». Выше было указано, что «Хроника» Иоанна Малалы имела под собой целый ряд иных хроник и сочинений. Многие ранние авторы были неправильно поняты, поскольку сам хронист не знал языка, на которых они были написаны. В качестве другого не менее яркого примера укажем на судьбу «Истории разрушения Трои» («*Historia destructionis Trojae*»), итальянского историка и поэта Гвидо де Колумна (XIII в.). Этот труд, известный также под названием «Троянская история», не был основан на греческом оригинале, но сам явился пересказом латинской прозой старофранцузского поэтического «Романа о Трое», автором которого был французский поэт и придворный историограф Генриха II Плантагенета Бенуа де Сен-Мор. Французский роман был написан между 1155 и 1160 гг. В его основу были положены еще более ранние средневековые пересказы Гомера. Зафиксировано также использование в качестве источника «Метаморфоз» древнеримского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н.э. – 17/18 г. н.э.).

Согласно исследованию О.В. Творогова, имелся древнерусский перевод этого труда с латинского языка (текст «Троянской истории» был обнаружен в Лицевом своде середины XVI в.), который с незначительными пропусками совпадал со страсбургским изданием 1489 г. В XVIII–XIX вв. «Троянская история»

в России выдержала более десятка изданий: 1709, 1712, 1717, 1745, 1760, 1765 и 1775 (оба обозначены как пятое издание), 1785, 1791 и 1817 гг. В 1791 г. появился перевод «на чистый российский язык», выполненный Иваном Михайловыми, также имевший переиздания в 1799, 1807 и 1824 гг. Вдобавок к этому исследователи зафиксировали десятки дошедших до нас рукописных копий с изданий первой половины XVIII в [139, с. 64–71; 147, с. 88–97]. Сравнение многочисленных редакций «Троянской истории» показывает значительные расхождения текстов. Однако уже из этого романа, пользовавшегося в России огромной популярностью, читатель мог получить представления о греческих героях, участвовавших в разорении Трои.

Имелось там и упоминание о Геракле. Этот герой, согласно мифам, участвовал также в плавании аргонавтов за золотым руном, о чем сообщает «Троянская история». Давая характеристику Гераклу, автор «Троянской истории» считает необходимым сообщить: «Среди них [аргонавтов] был и некий муж, поистине могучий и крепкий, именем Геркулес... Это и есть тот Геркулес, слава о необыкновенных подвигах которого распространилась по многим странам, тот, кто благодаря своей силе победил в те времена многих исполинов». Далее автор упоминает заключительный подвиг Геракла – укрощение пса Цербера и отмечает: «так как составленное другими подробное описание его подвигов нас могло бы занять надолго и отвлечь мысли слушающих, то коснемся в рассказе о нем лишь одной истины, которая чудным образом возвещает о прошлых победах Геркулеса во всем мире: и в наше время свидетельствуют Геркулесовы столпы в Гадесе о том, до каких мест дошел он с победами» [53, с. 433–434, 993–994]. Для Гвидо де Колумна Геракл – безусловно существовавшая историческая личность, подлинность которой «доказывают» имеющиеся в его время (XIII в.) Геракловы столпы. Автор «Троянской истории» пользовался логикой, весьма характерной для средневековых авторов.

В некоторых ранних переводах античных текстов на русский язык книжники делали вставки и пояснения к античным первоисточникам. Интересна в

этой связи вставка переводчиком развернутого мифа о втором подвиге Геракла в труд Иосифа Флавия (ок. 37 – ок. 100 г. н.э.) «История иудейской войны». Текст труда, помимо прочего, содержался в структуре Виленского хронографа XVI в. В часть 3 главы XXX книги I в уста Антипатра, сына Ирода, вкладывается сравнение его затруднительного положения при дворе отца с мифом о Геракле. Вместо краткого упоминания: «Головы гидры – дети Аристовула и Александра, – растут», древнерусский текст содержит подробное изложение мифа о бое Геракла с Лернейской гидрой. В данном случае Иосиф Флавий в своем оригинальном сочинении кратко приводит всем известное сравнение борьбы Геракла с гидрой, когда вместо одной отрубленной вырастали две новые. Древнерусский переписчик посчитал необходимым пояснить читателям, что значит выражение «голова гидры». Он достаточно подробно излагает миф о борьбе с ней, пользуясь иным, по сравнению с оригиналом, источником [91, с. 53, 230–231, 487]. Этот же миф в том же объеме оказался включен в легендарный «Лицевой летописный свод» Ивана Грозного, изготовленный в единственном экземпляре в 60–70-х гг. XVI в. [80, с. 49].

Среди мифов о Геракле на Руси, а затем и в России, особую популярность приобрела легенда об установлении Гераклом столпов (одно из побочных деяний Геракла, не входившее в цикл о двенадцати подвигах). Выражение «геракловы столпы/столбы» бесчисленное количество раз встречается в русской литературе на всем протяжении ее развития. В античный период «геркулесовыми столпами» обозначались крайние высоты Европы (Гибралтарская скала) и Африки (гора Джебель-Муса в Марокко либо, по другой версии, гора Абила у местности Селута). Эти горы обрамляли с двух сторон вход в Гибралтарский пролив. Античная легенда об установке Гераклом столпов была популярна в средневековой Европе, а затем и в Европе эпохи Возрождения. Именно от европейцев русские могли ее услышать, а затем привезти из путешествия и распространить на родине, что подтверждается сохранившимися документами.

Так, среди памятников русской письменности XV–XVII вв. встречаются так называемые «Статейные списки», носившие официальный характер. Они представляют собой отчеты русских послов о выполнении порученных им миссий. Как отмечает Н.А. Казакова, помимо изложения дипломатических переговоров, которые послы вели при иностранных дворах, в «Статейные списки» помещалось описание пути, а также велась запись впечатлений о виденном за рубежом. В итоге, статейные списки сочетали черты деловой дипломатической документации и памятников литературы путешествий. Одно из посольств в Италию состоялось в 1656 г. Члены посольства Чемоданова и Посникова были первыми русскими людьми, проделавшими весь путь в эту страну по морю вокруг Европы. Они оставили после себя «Роспись в дороге», по которой можно восстановить весь путь экспедиции.

12 сентября 1656 г. корабли с посольством отплыли от Архангельска. 10 ноября участники посольства «приехали к гирлу, к ускому месту, с большого моря [Атлантического океана], влево к морям, что в Вениции и в иные государства. По левую сторону того уского места Шпанская земля, а по праву Турская; поперег в уском месте, меж высоких гор, с десять верст или мало болши, а у того уского места в длину верст с дватцать и болши». Такими словами, отмечает Н.А. Казакова, русские посланники описали Гибралтарский пролив. Перед его описанием в «Росписи по дороге» помещено краткое упоминание античной легенды о Геркуловых столбах, которую кто-то рассказал, по-видимому, посланникам: «И блиско того города [испанского Кадиса] стоит столп каменной, велик, а сказывают про него, что тот столп поставил богатырь Гергулес (*так в источнике*), а пишет об нем в Трое». «Троя» в данном случае – это сокращенное название русского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна, где фигурирует Геркулес [59, с. 271]. Как видим, Геракла русские путешественники знали из переводной литературы («Троянская история» или «История разрушении Трои» имела уже в Лицевом своде середины XVI в.), в то время как люди, рассказавшие легенду о геракловых столпах, лишь дополнили знания русских послов.

Образ Геракла в христианской и богословской литературе

Удивительно не критическое отношение к языческому Гераклу зафиксировано также у деятелей русской церкви. Вина тому – все тот же положительный образ героя, господствовавший в древнерусской литературе, куда он перекочевал из литературы византийской. Некоторые из представителей русской церкви умудрились даже связать свою родословную с Гераклом и его потомками. К примеру, митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий Римский-Корсаков (ок. 1639–1701 гг.) попытался реконструировать собственную генеалогию. На тот момент автор еще не был митрополитом (он служил в Соловецком монастыре), но ее появление в свет несколько не повлияло на его восхождение по карьерной лестнице в лоне православной церкви. Автора привлекло звучание своей фамилии, от которой «веяло античностью», а также жгучее желание доказать ее древность, отделиться от иных однофамильцев. В результате было создано фантастическое сочинение «Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии, несравненного древностию времени роду... Корсаков-Римских» (далее – «Генеалогия...») в восемнадцати главах.

А.П. Богданов, ознакомившийся с рукописью И. Римского-Корсакова, отмечает: в этом произведении автор прослеживает своих предков непосредственно от Адама до мифологического Сатурна, Юпитера, Геркулеса и его сына – Корса. Далее, от потомков Корса генеалогия доведена до конца XVII в. Чтобы доказать глубокие корни своего рода, соловецкий строитель Игнатий создал в защиту «породнова званья» своей фамилии сочинение, каких на Руси еще не видали. Подробно рассказав «о честных фамилиях, еже есть родах, которыя повелися от сынов Геркулесовых в Греции, Италии, Скифии, Дании, в Пруссах, в Литве, в Полше», автор заостряет внимание на сыне Геркулеса Корсе, затем – на истории и географии острова Корсика. Автор пишет «о соединении Корса с римляны», повествует о владениях, о первых Фабиях и их консульствах в Римской республике, говорит о потомках «Корсаков-Римских» в Восточной Европе и утверждении их в Московском государстве.

Отличительная особенность «Генеалогии...», отмечает А.П. Богданов, состоит в том, что в отличие от аналогичных изысканий того времени, И. Римский-Корсаков подробнейшим образом останавливается именно на античном периоде, сообщая разнообразные сведения о всех древних героях. Зато о более «приземленных» – московских членах своей фамилии, родство или отсутствие одного с которыми, кстати, было сложно доказать на основе имевшихся записей, он говорит чрезвычайно лаконично, посвящая отдельную статью лишь знаменитому Игнатию Степановичу, зачинателю борьбы за «Римских» Корсаковых, убитому во время восстания Разина. Удивляет широчайший круг античных авторов, привлеченный к написанию «Генеалогии...». Среди них Гомер, Гесиод, Геродот, Аристотель, Диодор Сицилийский, Плутарх, Страбон, Птолемей, Павсаний, Лукиан Самосатский, Гай Луцилий, Квинт Энний, Альбий Тибулл, Вергилий, Гораций, Овидий, Витрувий и многие другие. По справедливому замечанию А.П. Богданова, ссылки на многих античных авторов могли быть просто позаимствованы у некоторых, в том числе средневековых авторов, публикации которых оказались доступны И. Римскому-Корсакову [24, с. 191–191; 150, с. 86–100].

Современная оценка «Генеалогии...» сводится к тому, что это сочинение специалисты относят к «жанру подложных генеалогий», который приобрел в России особую популярность в XVII в. в условиях увлечения стилем барокко (итал. «barocco» – «причудливый», «странный», «склонный к излишествам»). Для выдуманных родословных, отмечает И.П. Смирнов, которые сочинялись в условиях, когда мир перенял свойства некоего набора текстов, характерной была лингвистическая аргументация, отправлявшаяся от ложных этимологий. Автор «Генеалогии...» отрицал или же сознательно игнорировал языковую омонимию, при которой слова могли иметь одинаковое написание и/или произношение, но обозначать абсолютно разные понятия. В данном случае имя Корсаковых этимологически связывалось с топонимом «Корсика» [122, с. 208]. Истоки своего рода в языческом периоде истории человечества И. Римского-Корсакова, имеющего самое прямое отношение к православной церкви, несколько не смущают.

Напротив, он всячески старается подчеркнуть древние «деяния» своих предков, доказать глубокую причастность к деятелям античной эпохи.

Исключительно насыщена античными сюжетами поэзия Симеона Полоцкого (1629–1680 гг.). Этот интеллектуально развитый человек, сумевший поднестись над довлеющими христианскими догмами, был родом из Полоцка (Речь Посполитая). Он был монахом-базилианином, духовным писателем, богословом, драматургом, переводчиком и даже сумел стать московским придворным астрологом. Автор оставил после себя значительное литературно-художественное и богословское наследие. Геракл у Симеона Полоцкого, например, в стихотворении «Наслаждение», носит эпитет «благородный» [120, с. 172]. Невзирая на увлеченность стихосложением по античным образцам, автор придерживался христианской веры, но весьма творчески подходил к проповедничеству и толкованию догм. В частности, он активно возрождал в Москве живую церковную проповедь. Осуществив более двух сотен проповедей, он старался связать их с текущей жизнью и потребностями верующих. Эти проповеди были изданы сразу после смерти Симеона Полоцкого в двух сборниках: «Обед душевный» и «Вечеря душевная».

Исследование проповедей и стихов Симеона, по мнению М.С. Киселевой, показывает: его литературная деятельность (Слово) выходила за рамки традиционной отечественной книжности. Она реформировала эту книжность, предписывая новые формы, добавляла новые темы и сюжеты, неизвестные древнерусским книжникам. Педагогические труды Симеона Полоцкого, чаяния по созданию Академии, открытие первой частной типографии – все это Дела, прямо относящиеся к Слову, но, в то же время оправдывающие их пользу перед богом. М.С. Киселева характеризует Симеона Полоцкого как «монашествующего интеллектуала», который хоть и не мог в силу своей принадлежности к лону христианской церкви защищать позиции светского разума, но пределы этого Разума, опекаемого традиционной древнерусской книжностью, заметно расширились благодаря его стараниям [67, с. 364–365]. Он стал именно тем ученым

богословом, кто взял на себя труд привнесения нового типа интеллектуализма в среду книжников Московского Царства, в которой культивировалась иная культурная традиция [66, с. 125].

С 1667 г. на Симеона Полоцкого была возложена обязанность по воспитанию царских детей. С особым рвением взявшись за порученное дело, он написал сборник стихотворений «Вертоград Многоцветный», цель которого – служить «книгой для чтения». Поражает не только объем (несколько тысяч стихотворных текстов), но и широта источников, а также всевозможных образов, присутствующих в строках этого сборника. В нем отсутствует противопоставление мифологического (библейского) и исторического времени, а история воспринимается как набор фактов и имен. Без каких-либо препятствий здесь сводятся воедино свидетельства писателей «языческой» античности и авторитетов христианской литературы – византийско-греческой и западноевропейской латинской. В стихах имеются ссылки на Гомера, Аристотеля, Вергилия, Плиния Старшего, Иосифа Флавия, Плутарха, Солина, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Августина Блаженного, Иеронима Ансельмского и др. Исследователи отмечают: ученость автора заметно превосходит круг чтения древнерусского книжника. С другой стороны, многочисленными ссылками Симеон Полоцкий обязан, по-видимому, разнообразным «компендиумам» и литературным сборникам, в числе которых «Великое зеркало», «Римские деяния», «Апофегмата», а также западноевропейским проповедникам-полигисторам [118, с. XVIII, XIX; 119].

Критика Геракла в трудах отечественных авторов, писавших на религиозные темы, все же имеется, но она не настолько частая, как ожидается. Да и критика эта весьма специфическая. К примеру, епископ русской православной церкви Феофан Прокопович (1681–1736 гг.), получивший известность не только как проповедник, но и как теоретик литературы, оставил после себя трактат «О поэтическом искусстве». В нем, помимо прочего, автор рассуждает на тему вдохновения. В духе христианского мировоззрения он осуждает призывать себе в помощники языческих богов.

Относительно призывания божества надо отметить вкратце следующее: прежде всего следует взывать к тому божеству, которое имеет какое-либо отношение к намеченному содержанию... Впрочем, муз, как покровительниц поэзии, принято призывать при любом содержании. Однако христианскому поэту надо решительно остерегаться подобных призываний богов. Чего он может себе желать такими мольбами? Неужели он взаправду и серьезно просит о помощи и выказывает себя нечестивым? ...Разумно блаженный Иероним не допускает в устах христианина темных формул языческих клятв: «Да не раздастся из уст христианина, – говорит он, – «Юпитер всемогущий!» и «клянусь Геркулесом, клянусь Кастором!», и прочие скорее чудовища, чем божества» (Послание, 146, к Дамасу). Следует изо всех сил избегать призываний этих позорных богов! ... христианский поэт будет взывать о помощи к Тресвятому величайшему Богу, к Пресвятой Деве, прибегать к заступничеству святых...

Следует знать, однако, что в виде присловья под именем музы или муз разумеется литература и науки. В таком смысле и для нас допустимо пользоваться этим. Но поскольку при призывании муза приобретает значение баснословной богини, постольку следует воздерживаться от упоминания музы [143, с. 390–391].

Будучи христианским проповедником, Феофан Прокопович, во-первых, следует более ранним византийским богословам, в данном случае – учителю церкви Софронию Евсевию Иерониму (342–419/420 гг.). Для русского православного деятеля Блаженный Иероним – безусловный авторитет. Во-вторых, осуждению подвергается лишь восприятие Геракла, Муз, Юпитера, Кастора как сверхъестественных созданий, противоречащих христианскому учению о божественном. Сами персонажи греческой мифологии, будучи органично вплетены в греко-римскую поэзию, активно используются (цитируются) Феофаном Прокоповичем без какой-либо критики. Автор трактата «О поэтическом искусстве» выступает больше как ученый, исследователь, воспринимающий персонажей античной мифологии как данность, от которой никуда не деться. Но как

христианину, и тем более церковному деятелю, проповеднику, ему надлежит осуждать языческие культы, что он и делает.

Феофан Прокопович – продолжатель устойчивой традиции, которая может быть названа «фильтрацией» или «цензурой» античной литературы. Так, еще архиепископ Кесарии Каппадокийской Василий Великий (ок. 330–379 гг.) в «Наставлении юношам как пользоваться языческими писателями» подробно разобрал целый ряд античных писателей и выработал критерии доверия/недоверия к их трудам. Касательно Геракла Василий Великий процитировал знаменитую аллегорию «Геркулес на распутье», когда перед героем возникли две женщины – Добродетель и Порок. Геракл, как известно, сделал выбор в пользу первой, в результате чего Василий Великий признал античных авторов, изложивших этот сюжет, достойными доверия, а сам выбор Геракла назвал уроком мудрости, которым надлежит руководствоваться юному христианину [116, с. 15–16].

Комментируя факт использования в качестве назидательного примера поведение античного полубога христианским проповедником, видный философ и культуролог В. Бычков констатирует: Василий Великий подходит к античному наследию, как и положено созидателю и пропагандисту новой культуры – чисто прагматически. Все, что в культуре прошлого может быть полезным для сегодняшнего дня (в том числе полезным для нового учения), следует взять и использовать. Отклонить следует то, что не соответствует принципам и установкам новой культуры, ее нравственно-религиозным основам [30, с. 384]. Примером христианского подхода к античному искусству может послужить определение Седьмого Вселенского Собора (он же Второй Никейский Собор, созванный в 787 г.), согласно которому, «если вещество, будучи употреблено на различные противозаконные потребности оскверняется и делается гнусным, то из этого не следует еще пренебрегать полезной стороной его» [8, с. 72].

Рассмотрев проблему заимствований христианским искусством античных мотивов, современный исследователь А.Ю. Афанасьев указал на два кажущихся противоречивыми факта. Один из них состоит в признании церковью важности

и необходимости искусства, другой заключается в одновременной ожесточенной борьбе с его произведениями. Это заставило А.Ю. Афанасьева предположить, что проблема была не в самом искусстве. За исключением порнографии, которую христианская церковь крайне не любила, в полемической литературе, направленной против античного искусства, господствовала одна тема – запрет идола и античной идолопоклонской культовой практики [8, с. 72–73]. Иногда эта проблема могла решаться переосмыслением предметов искусства и отождествлением античных идолов с символами христианства. Показательным примером здесь является отождествление Геракла и Самсона или даже Геракла-спасителя с Иисусом-спасителем.

Разбор деяний Геракла, критическая оценка его жизненного пути и осуждение почитания его как бога («идола») содержится в средневековом романе-житии «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (славянский вариант названия). Он рано оказался переведен на славянские языки (не позже XII в.). Вот что говорится в нем о Геракле, который почитается у «глупых эллинов» в качестве бога:

И Геракла почитают они как бога. Он же, опьянев, беснуется и убивает своих детей, а затем сгорел в огне и умер. Как же может быть богом пьяница и детоубийца, сгоревший в огне, как же может помочь другим тот, кто не смог защитить себя? [101, с. 383].

Роман имеет индийское происхождение и по своей направленности пропагандирует и обосновывает верность христианского вероучения в пику всем остальным (эллинским, египетским, зороастрийским и т. д.). В этой связи критика множества эллинских богов, акцентирование внимания на их недостатках, видится в романе вполне закономерными. В романе можно встретить пассажи вроде «Как же может быть богиней такая женщина и охотница [Артемида], бегущая со сворой псов?»; «Об Афродите говорят, что и она богиня и прелюбодеица, ибо творит она прелюбодеяния то с Аресом, то с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает она в поисках своего возлюбленного... Видел ли ты, о царь, большее безумие, ведь вводят они в качестве богини убийцу,

прелюбодеицу, рыдающую и плачущую»; «Считают они богом Адониса, охотника, который погиб тяжелой смертью, убитый сыном, и не смог помочь несчастью своему. Как же может позаботиться о людях прелюбодей и охотник, погибший насильственной смертью?» [101, с. 383] и т. д. Критике подверглись и ранние религии, где объектом почитания выступает земля, вода, огонь, солнце, человек и т. д.

Стоит отметить, что неизвестный автор романа отлично знает историю жизни Геракла согласно исконно-греческим версиям. Ему прекрасно известно содержание греческих первоисточников (возможно, в поздних столь же точных изложениях), исключительно богатых на мелкие детали. Все эти детали – правильные, классическо-эллинические. Роман «Варлаам и Иоасаф» представляет собой христианскую переработку индийской легенды о детских годах Будды. Его источником может быть сборник буддийских поучений «Лалитавистара», написанный на санскрите в начале нашей эры. Этот роман – один из наиболее популярных в литературе средних веков. Многие поучительные истории (притчи), взятые из романа, оказались в составе других древнерусских текстов, в том числе в славяно-русском церковно-учительном сборнике «Пролог» (он же «Синаксарь», «Синаксарий»).

В некоторых случаях русские летописцы могли отождествлять Геракла с древнеславянскими божествами, а также приписывать поклонение Гераклу врагам Руси. Отношение к этим божествам было критическим, что вполне ожидаемо, поскольку они принадлежали к числу языческих и закономерно осуждались с позиции христианства. Показательным примером здесь может служить текст «Хроники литовской и жмойтской» – памятника белорусско-литовского летописания, созданного в XVII в. В одном из разделов «Хроники...» повествуется о борьбе русских князей с Мамаем в ходе Куликовской битвы:

Рускии же полки силою божиею и помощию святых мученик Бориса и Глеба погнаша нечестивых, который от меча христианского, як лес от сокер, на землю падали, албо як трава от косы слалися, а утекаючи погане горко с

плачем кричали: «Беда, беда тебе, Мамаю нечестивый, а с тобою и нам погибель конечная». А христианские воины, господа бога призываючи, татаров нещадно секли, же жадному от меча христианского не мощно было утечи, бо и сами погане от великого бою и кони их потомилися. Тогда Мамай, видячи погибель свою, почал призывати плюгавых богов своих: Перуна, Савата, Ираклия, Гурка и мнимаго великого пособника своего проклятого Махомета, але не маючи от них помочи собед, почал голову свою уносити, утекаючи з чотырма князями своими.

«Хроника литовская и жмойтская».

Лист 485 (лицевая и оборотная стороны) [103, с. 56–57].

Летописец представляет битву с Мамаем не только как победу русских князей с захватчиками, но в большей степени как победу христианства над язычниками. Видится принадлежность первоначального автора текста к числу служителей церкви. Слова «утекаючи погане горко с плачем кричали...», указание на то, что убегающее войско называло своего предводителя «нечестивым», самобичевание воинов и т. д. свидетельствуют о желании летописца выставить врага в наиболее невыгодном свете, а его армию – жалкой, плачущей и беспомощной. Видится не работа с документальными источниками, но, в большей степени передача устного(?) предания, рассчитанного на массового слушателя. Мамаю приписывается поклонение богу-громовержцу Перуну, призвание в помощь пророка Мухаммеда и других божеств.

Среди языческих божеств летописец упомянул «Ираклия», под которым можно понимать не иначе как «языческого бога Геракла» [103, с. 219]. Вряд ли Мамай действительно поклонялся Гераклу. Имеются серьезные сомнения в части наличия культа Геракла в 1380 г. на территории Золотой Орды, с которой Мамай был тесно связан. С другой стороны, Золотая Орда включала в себя, помимо прочего, территорию Северного Причерноморья, где в XIV в. могли

сохраниться эллинистические памятники, в том числе изображающие Геракла. И все же, летописец, вероятно, отождествил его с каким-то иным более современным древнерусским(?) языческим божеством. Обращает на себя внимание факт антитезы Геракла единому и «всесильному» христианскому богу, а также однозначное противопоставление «Ираклия» святым мученикам Борису и Глебу.

Сравнительно-критический подход к Гераклу имеется также в «Житии Михаила Клопского», дошедшего до наших дней не менее чем в 68 списках [100, с. 7]. Наиболее ранняя редакция литературного памятника, созданного в Новгороде, но ныне не сохранившегося, датируется 1478–1479 гг. В одном из списков «Жития Михаила Клопского» за авторством В.М. Тучкова, исследованного Д.М. Буланиным, главный герой противопоставляется древним воителям не только величием своих подвигов, но и, как следовало ожидать, чистотой веры. Среди рассказов о чудесах святого Михаила Клопского, греческий контекст нуждался в конфессиональной коррекции. Как бы ни был храбр Геркулес, пишет автор «Жития...», но он «и в нечестии глубине погружашеся, и тварь паче Творца почиташе». Впрочем, в нечестии пребывали также Ахиллес и дети Приама («еллини суще»). Изъятие троянских героев из исторического контекста, отмечает Д.М. Буланин, потребовало религиозной переоценки их образов. В рецепции античной древности эта оценка стояла для славянских книжников на первом месте. Культура древних греков и римлян как оскверненная идолопоклонством была решительно отвергнута на заре славянской письменности. Отношение к ней не претерпело принципиальных изменений вплоть до XVII в [26, с. 225].

Стоит отметить, что данная оценка Д.М. Буланина верна для характеристики русскими книжниками истории эллинства в целом. «Еллины» упрекались в идолопоклонстве и в «фундаментальных ошибках» в выборе объекта поклонения, ведь христианство с его Творцом мыслилось как единственно правильная вера. В то же время Геракл явно стоит особняком в этой оценке, допускаемой богословами. Например, в исследуемом случае критикуется не личность Геракла. Осуждается лишь его спуск в Аид за Цербером (толкуемый как спуск в

ад), а также делается упрек в «ошибочности» его веры. Аналогичным образом в «Повести о Варлааме и Иоасафе» или трактате «О поэтическом искусстве» критикуется лишь возведение Геракла в сонм божеств.

Во что верил Геракл и кому поклонялся (если это вменялось ему в вину), бывает крайне сложно установить даже на основе детального ознакомления с греческими первоисточниками. Да еще учитывая тот факт, что Геракл сам после земной смерти стал богом. Вследствие чего возникает глубокое логическое противоречие: мог ли сын бога (Зевса), вознесшийся на Олимп и ставший рядом с отцом, сам кого-либо почитать как бога? Мог ли он по определению «тварь паче Творца почиташе» (если речи идет о вере самого Геракла, а не о вере в Геракла как бога со стороны паствы)? Афина часто сопровождала Геракла при совершении его подвигов, но в античных источниках не говорится явно, что он ей «поклоняется» или приносит жертвы. Она «чистокровная» богиня, но и как бы равна Гераклу, ибо Геракл, как полубог, умудрился ранить самого бога Ареса в битве за Пилос (а также в борьбе с Кикном), что было недоступно простым смертным.

Конструкция рассуждений автора «Жития...» говорит о явном признании храбрости Геракла. И все же в данном случае автор «Жития...», в отличие от предшественников, не простил Гераклу его пребывание в античных культурных реалиях и даже не сделал скидку на то, что Геркулес «жил и творил» задолго до зарождения (I в. н.э.) и тем более до оформления (III–IV вв. н.э.) христианства в полноценную и широко признаваемую религию. Он при всем желании не смог бы почитать «истинного Творца», поскольку ничего о нем не знал. Как не могли почитать «истинного творца» сами древние эллины, которые в своем большинстве также ничего не знали о христианстве.

В значительном числе случаев русские книжники и церковные деятели считали Геракла реальной исторической личностью. Многие из них истолковывали античные мифы в духе эвгемеризма, возводившего всякого бога к реально жившему человеку. Его храбрые деяния как человека (героя) если не вызывали восхищения и трепета, то, во всяком случае, не осуждались. Дело в том, что в

«Библии» хватает чудовищ, с которыми боролись упоминаемые там персонажи. Достаточно вспомнить Самсона и льва или Иону и «большую рыбу». Поэтому борьба Геракла с чудовищами (с силами зла) отлично укладывалась в библейский повествовательный канон.

*«Новые Гераклы»: Петр I – «всероссийский Геркулес»,
«Кутузов-Алкид» и корабли-Гераклы*

Героически-добродетельный образ героя, описываемый русскими книжниками, перешел и в русскую культуру в ее более широком значении. Архетип Геракла как могучего и всепобеждающего героя сопровождал победы русских царей и полководцев. Так, после воцарения Петра I началась экспансия Руси на запад – в сторону Османской империи и Крыма. В 1696 г. состоялась первая победа русской армии и флота над турками. Это воспринималось современниками как крупное историческое событие, поскольку была пробита брешь в многовековом турецком господстве. Победа повлекла небывалые до той поры торжества, в числе которых стало сооружение триумфальной арки со статуями по античным образцам. 31 июля 1696 г. весть о победе над турецкой армией под Азовом донеслась до Москвы, и в Успенском соборе при многочисленном стечении людей всех сословий был отслужен благодарственный молебен.

Спустя два месяца, 30 сентября 1696 г. после основательной предварительной подготовки была сооружена триумфальная арка. По сохранившимся описаниям, над фронтоном арки возвышался герб – двуглавый орел и статуя крылатой Славы. Колоссального размера статуи античных богов поддерживали арку справа и слева: с одной стороны – фигура Геркулеса, с другой – статуя Марса, перед каждой из них – склоненные к их ногам фигуры скованных побежденных врагов, турок и татар. От статуй Геркулеса и Марса к Каменному мосту тянулись картины на полотне, написанные «в похвалу прехрабрых воев морских», а на стороне Марса – «в похвалу прехрабрых воев полевых» [50, с. 427–428]. Это событие оценивается как первый в России военный парад, организованный Петром I. Государь придавал ему особое значение, поскольку победное шествие

русских войск по замыслу Петра должно было представлять «такое зрелище, какого он [русский народ] и вообразить тогда не умел» [37, с. 305–306]. Предпочтение Геракла и Марса русским богатырям или героям говорит в пользу исключительной увлеченности в эпоху Петра античными героями, среди которых Геракл/Геркулес и Арес/Марс были выбраны как наиболее значимые.

Стоит обратить внимание на факт выбора Ареса/Марса в качестве символа побед Петра I. Если Геракл – победитель чудовищ и избавитель мира от зла, то Арес – его прямая противоположность, функция которого – война ради войны. Этим он кардинально отличается, например, от спутницы Геракла – Афины, персонифицировавшей честную и справедливую войну. Спутницы Ареса – богиня раздора и хаоса Эрида, а также богиня неистовства и воинской ярости Энио. Детями Ареса от брака с Афродитой, помимо Эроса, Гармонии и Гимероса были Антерос (бог взаимной любви, мстящий тем, кто не отвечает на взаимность), Фобос (греч. «Φόβος» – «страх», олицетворение страха) и Деймос (греч. «Δεῖμος» – «ужас», персонификация ужаса). В классической эллинской мифологии Геракл практически никогда не «сотрудничал» с Аресом. Напротив: он воевал против него и его интересов, сумев дважды ранить этого бога (в битве за Пилос и в борьбе с Кикном). Выбор Ареса как символа побед Петра I, вероятно, был призван подчеркнуть ярость, целеустремленность и «заведомую непобедимость» Петра и его войска. Тот факт, что это мало согласовывалось с православием, похоже, не особо заботило организатора и вдохновителя торжеств – самого русского царя.

На странность присутствия Ареса, да и вообще «антиправославных» эллинистических божеств в празднествах петровской эпохи обратили внимание и русские исследователи XIX в. Они рассмотрели критическую реакцию церковных кругов и возникшую на этой почве полемику. Дело в том, что триумфальная арка, сооруженная 30 сентября 1696 г. по случаю победы русской армии и флота над турками, оказалась не единственной в своем роде. Так, русский литературовед и этнограф А.Н. Пыпин (1833–1904 гг.) описывает другие декорации. В 1703

шла война в Ингерманландии. 16 мая этого же года был основан Санкт-Петербург. В начале ноября для Петра I был организован торжественный въезд в Москву, для чего были сделаны были трое триумфальных ворот. Одни из них были устроены «учительным собранием» Московской Академии. Описание этих ворот было напечатано в специальном издании за авторством Иосифа Туробойского, носившем название: «Торжественные врата, вводящие в храм бессмертной славы, непобедимому имени нового в России Геркулеса, великого победителя Фракии, грома, поражающего свейскую силу, пленителя Ижерския земли, устрашителя всея вселенныя, предыдущего века чудесе, отечества же своего всероссийского обновителя красоты и славы» и т. д. В книге приводилось объяснение символических фигур, украшавших ворота и служивших прославлению «российского Геркулеса».

Оценивая публикацию Иосифа Туробойского, А.Н. Пыпин отмечал: в описании врат сливались воедино панегирическая проповедь, как у Стефана Яворского, и «школьная драма, поставлявшая триумфальные действия». Сюда же была примешана огненная потеха и триумфальные врата с символическими фигурами, и даже стихотворство. Декораторы триумфальных ворот могли руководствоваться изданием «Символы и Эмблемата», напечатанным в Амстердаме. В «школьных торжественных действиях», констатировал А.Н. Пыпин, соединялись совершенно противоположные аллегории и символы, а именно, библейские и мифологические, т.е. языческие. В восхвалениях побед Петра I Марс являлся «поборником православия», Фортуна украшала российского орла, Иисус Навин изображал Петра, в то время как сам Петр I представал Геркулесом, побеждающим льва, Персеем, освобождающим Андромеду и т. д. По мнению А.Н. Пыпина, это была «перенятая манера школьной иезуитской риторики и пиитики». Против подобных заимствований восстал видный проповедник, государственный и церковный деятель петровской эпохи Феофан Прокопович (1681–1736 гг.), полагавший, что христианский поэт «не должен вмешивать

языческих богов или богинь в какое-либо дело нашего Бога или героев, олицетворяющих собою какие-либо добродетели».

Различием между «драматическим представлением» и торжественными вратами было специально объяснено самим префектом Московской Академии, иеромонахом Иосифом Туробойским, в предисловии к описанию еще одних торжественных врат, устроенных в декабре 1704 в честь взятия Дерпта и Нарвы. Сущность объяснения состояла в том, что торжественные врата относятся к светскому делу, где, по мнению префекта, к божественным писаниям обращаться не подобает. По словам префекта (в передаче А.Н. Пыпина), «во всех христианских странах, свободных от варварского ига, славным победителям, возвращающимся с торжеством от брани, благодарные подданные, особливо в академиях и всяких школьных собраниях, где не только духовное, но и политичное учение сеят, привыкли составлять похвальные венцы от обоих писаний, а именно: от божественных – в церквах или других прибранных на то местах, а от мирских историй – на торжищах, улицах и других местах, приличных всенародному зрению» [106, с. 404–406]. В этом объяснении как нельзя лучше проявляются возрожденческие идеи, в данном случае – отстранение церкви и ее догматов от всеобъемлющего главенства над личностью, литературой и искусством. Расширяется и отстаивается правомерность разделения светской и духовной культуры, проводится водораздел между соответствующими видами народного образования.

Петр I и дальше поражал современников полководческим даром и многочисленными победами, что повлекло создание других предметов искусства с античным мифологическим («светским») содержанием. Геракл присутствовал рядом с образом Петра на всем протяжении его бурной деятельности. Так, 27 июня 1709 г. состоялось крупнейшее генеральное сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I с одной стороны и шведской армией Карла XII – с другой. Сражение получило известность как «Полтавская битва» и в дальнейшем считалось наиболее блистательной победой Петра

Великого. В честь этого события были отчеканены медали, где на лицевой стороне был изображен царь Петр, а на оборотной – Геракл с дубиной в руках. Лицевая сторона содержала латинскую надпись, строку из «Метаморфоз» Публия Овидия Назона: «HIC HONOR IN NOBIS INVIDIOSVS ERIT» – «Нам позавидуют в сей славе» (рис. 2).

Рис. 2. Петр I и Геракл. Бронзовая медаль в память Полтавской битвы, состоявшейся 27 июня 1709 г. Диаметр 65 мм, вес 95 гр. Лицевая сторона: царь Петр I в боевом облачении верхом на коне. Под конем – тело поверженного воина как символ побежденной Швеции. Надпись сверху на латинском: «HIC HONOR IN NOBIS INVIDIOSVS ERIT OVID» («Нам позавидуют в сей славе. Овидий»). Надпись под поверженным врагом в три строки: «PETRO ALEXIADI D · G · MAGNO // RVSS · IMP · PIO FELICI AVG // TRIVMPHATORI» («Петр Алексеевич, Божией милостью великий российский Император, благочестивый, счастливый, августейший и торжествующий»). Обратная сторона: Геракл на фоне карты-плана сражения. В одной руке дубина, лежащая на плече, другой рукой Геракл показывает на место на карте. Надпись сверху: «POLTAVA MIRACLA DE INSIGNIS» («Полтава славная чудесным поражением»). Надпись внизу в три строки: «VNIVERSO SVECORVM // EXCERCITV DELETO // D · 27 · IVN · S · V ·» («Все шведское войско истреблено 27 июня старого стиля»)

В эпоху Петра I чеканилось множество медалей с античными реминисценциями, а также медалей с изображением Геракла. К примеру, известна медаль «В

память подавления стрелецкого бунта», где на лицевой стороне было помещено увенчанное лаврами по грудь изображение Петра I в латах и мантии, а на оборотной – Геракл. Под его ногами покоилась убитая Лернейская гидра. На одном плече у героя лежала палица, в другой руке – горящий факел, которым Геракл прижигал гидре отрубленные головы [124, с. 64]. Другой вариант медали на эту тему содержал изображение Геракла, замахнувшегося на гидру палицей. На голову героя возлагала венок Ника [124, с. 309]. Известна также медаль «В память первого путешествия Петра Алексеевича за границу» в 1697–1698 гг. На лицевой стороне имелось изображение царя в латах и с шубой на плечах. На оборотной – помещен странствующий Геракл с львиной шкурой и палицей; на заднем плане резчик штемпеля разместил горы, долины, города и леса [124, с. 307].

Изображение Геракла имелось на медали, выпущенной на завоевание Лифляндии в 1710 г. На лицевой стороне было помещено ставшее классическим погрудное изображение Петра I в латах. На оборотной – склонившийся на левое колено Геракл, легко опознаваемый по шкуре льва, держал на плечах земной шар. Фигура Геракла была снабжена надписью, взятой из «Метаморфоз» Овидия: «SVNT MIHI OVAE VALEANT – IN TALIA PONDERA VIRES ov met» – «У меня довольно силы для перенесения такой тяжести. Овидий. Метаморфозы» [124, с. 277]. В 1713 г. в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) русские войска высадились в финляндском городе Або. В петровскую эпоху это событие также оказалось запечатлено в медальерном искусстве. На лицевой стороне медали «На высадку русских войск в Або» был погрудно изображен Петр I в боевом облачении и мантии, на оборотной – Геракл с Нептуном [124, с. 285] (рис. 3).

Рис. 3. Петр I, Геракл и Нептун. Бронзовая медаль на высадку русских войск в Або, Финляндия, состоявшейся 8 сентября 1713 г. Диаметр 48 мм. Лицевая сторона: царь Петр I в боевом облачении, изображен по грудь. Надпись сверху

на латинском: «PETRVS ALEXII FIL. D. G. RVSS. IMP. M. DVX MOSCOVIAE» – «Петр, Алексея сын, Божьей милостью России Повелитель, Великий Князь Московии». Обратная сторона: Геракл, вооруженный палицей, выходит на берег вместе с Посейдоном, вооруженным трезубцем.

Через руку Геракла перекинута шкура Немейского льва. Боги выходят из раковинообразной ладьи, запряженной двумя морскими конями. Корма ладьи украшена щитом с изображением русского герба. Круговая надпись поверх фигур: «TERRA SISTERE PETITA. Ovid» – «Вступили на вожделенную землю. Овидий». Надпись внизу в три строки: «AD ABVM FINLANDIAE / MDCC XIII · / D · 8 · SEPT ·» – «При Або в Финляндии в 1713 г. 8 сентября»

Известны и другие медали Петра I с изображением Геракла. Медали – неотъемлемая часть изобразительного искусства. Обилие персонажей греческой мифологии и цитат из античных авторов, помещенных на русских медалях, как нельзя лучше свидетельствуют о колоссальном значении, которое приобрела античность в искусстве петровской эпохи. Одновременно с этим, сам царь Петр нередко мыслился в искусстве и литературе, назывался в хвалебных речах (как при жизни, так и после смерти) «всероссийским Гераклом» [58, с. 44].

Видное место в символах петровской эпохи занимает сюжет змееборства. Геракл, победивший Лернейскую гидру, оказался здесь как нельзя кстати. В

1715 году Петром I был сделан рисунок «Геракл, попирающий гидру». По мнению М.Н. Виролайнена, перед нами не что иное, как вариация государственного символа «Петр-змееборец», постоянно возникавшего в эмблемах и в панегирической литературе начала XVIII века. Змееподобные существа, будь то дракон, Медуза Горгона, ехидна, «пьющая кровь святых» или Лернейская гидра – могли символизировать врагов русского трона. М.Н. Виролайнен отмечает: в контексте данного сюжета Петр I представал то в облике Персея, освободившего Андромеду (Ижорскую землю) от «морского змея», то в облике Геракла, умертвившего «седмглавого змея» (Лернейскую гидру), то в облике Геракла-младенца, растерзавшего двух змей, пробравшихся к нему в колыбель (аллегория означала усмирение юным Петром стрелецкого бунта).

Исследовав сюжеты и мифы русской словесности ряда эпох, М.Н. Виролайнен пришла к выводу, что змееборчество являясь символической формулой государственного значения, которая закрепилась в России еще в эпоху завоеваний Ивана Грозного (правил с 1533 по 1584 гг.). Тогда она выражала «теократический идеал государственной власти» и продолжала трактоваться подобным образом еще при царе Алексее Михайловиче (правил с 1645 по 1676 гг.). В итоге, змееборческая эмблематика петровского времени основывалась на символике предшествующих веков. В соответствии со вкусами петровской эпохи, заключает М.Н. Виролайнен, устанавливалось и активнейшим образом подчеркивалось идентичность между христианскими символами и соответствующими образами античной языческой мифологии, в частности – между святым Георгием-змееборцем и античными змееборцами – Гераклом, Персеем, Зевсом и т. д. Это послужило выявлению мифологического архетипа, к которому и возводился образ императора-Змееборца [34, с. 270–271].

Провозглашение Петра – «новым Геркулесом» нашло чрезвычайно широкий отклик в русской письменной культуре. Так, поэт, драматург и литературный критик А.П. Сумароков (1717–1777 гг.) в «Наставлении хотящим быти писателями», поэтически связывает античную и современную ему историю:

*Пресильный Геркулес злу Гидру низлагает,
А дерзкий Фаетон на небо возбегает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с берегов Бальтийских мечет,
Екатеринин меч на Геллеспонте блещет* [130, с. 136–137].

Похожие строки, но в переработанном виде А.П. Сумароков повторяет и во второй «Эпистоле», посвященной стихотворству:

*Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с берегов Балтийских мечет,
Российский меч во всех концах вселенной блещет* [133, с. 118].

Неоднократная постановка в один ряд с Гераклом и Александром Македонским Петра I, а затем и Екатерины, а также прославление российского государства, распространившего свою власть «во всех концах вселенной» – дань традиции эпохи. Поэты с готовностью восхваляли свершения Петра и последующих русских царей, искренне восхищаясь растущей мощи государства. А.Н. Соколов отмечает, что предпочтение Петра I Гераклу и Александру Македонскому в качестве эпического героя делает А.П. Сумарокова как теоретика русского классицизма, представителем самостоятельной русской концепции эпической поэмы. В этом, по мнению А.Н. Соколова, автор сближался с современным ему М.В. Ломоносовым, хотя между ними имелись значительные расхождения как поэтов и теоретиков в вопросах поэтического искусства [123, с. 56].

Русский поэт, драматург и общественный деятель В.В. Капнист (1758–1823 гг.) также не остался в стороне от модного в его время сравнения Петра I с Гераклом. Причем не с Гераклом в расцвете сил, а с младенцем-Алкидом.

*В младенческих летах коварные измены,
 Второй Алкид, как змей, трекрат он задушил.
 Чтоб мрак невежества, вокруг его сгущенный,
 Рассеять, – рубищем порфиры блеск прикрыл;
 И прешагнув моря, к работе низкой руки
 Простер, чтоб водворить в отечестве науки.
 Сам рать образовал, сам строил корабли [62, с. 186].*

В своем стихотворении поэт припомнил основные свершения Петра I, назвав его «вторым Гераклом». Особо указал, что Петр как простолюдин оделся «в рубище» и работал вместе с обычными мастерами-корабельщиками. Это стихотворение, вероятно, было написано в 1811 г., ко дню открытия памятника Петру I в Полтаве по случаю столетия победы под Полтавой над шведскими войсками [62, с. 730]. В первых двух строках Петр I сравнивается с Алкидом т.е. периодом «жизни» Геракла, когда тот во младенчестве задушил змей, подсланных ему женой Зевса – Герой. Конкретное деяние Петра в «младенчестве», прославляемое в данном стихотворении – расправа с боярской оппозицией и подавление стрелецкого бунта [62, с. 33].

Службу Геракла у Омфалы упоминает русский историк, публицист и философ М.М. Щербатов (1733–1790 гг.), одновременно сравнивая страстность Геракла с «любострастием» Петра I [159, с. 127]. В дальнейшем в русской литературе с Гераклом сравнивались и другие цари, например, Александр I у поэта и драматурга Н.П. Николева (1758–1815 гг.) [4, с. 55–56].

После победного окончания Отечественной войны 1812 г. актуализировалось не только восхваление царя-победоносца, но и русской армии с ее полководцами. Так, Кутузов-Алкид борется с Наполеоном-Антеем у филолога и поэта А.Х. Востокова (1781–1864 гг.):

*Кутузов, как Алкид,
 Антея нового в объятиях теснит.
 От оживляющей земли подняв высоко,*

Собратся с силами ему он не дает [49, с. 295].

Сравнение героев Отечественной войны 1812 г. с великими мифическими героями (как с античными, так и с русскими богатырями), литературоведы считают вполне традиционным в рамках поэзии и прозы. В поэтических текстах, посвященных победам в Отечественной войне 1812 г., А.П. Кутузову постоянно приписывались, с одной стороны, признаки старости и опытности («украшен сединами», «герой под сединами», «старец грозный», и т. п.), а с другой, – характеристики гипертрофированной мощи («исполин», «колосс», «новый Геркулес», «Атлант»). Нередко фигура вождя, согласно правилам одической поэтики, метонимически сближалась с образом русского воинства и страны в целом.

Русский историк С.М. Соловьёв (1820–1879 гг.) в фундаментальной работе «История России с древнейших времен» уделил значительное внимание исследованию и оценке жизни и деятельности Петра I. Высоко оценивая его роль в истории России, С.М. Соловьёв сравнивает его с Гераклом. Это сравнение не буквальное: Геракл победил много чудовищ, очистив мир от зла, совершил массу поступков на благо людей, а Петр Великий столь же много сделал для процветания Российского государства. По С.М. Соловьёву, «Петр со своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса» [126, с. 429]. Нельзя не отметить понимание С.М. Соловьёвым механизма формирования легенд и преданий о реальных людях. Историк сознает: чем дальше от нас отстает во времени реальный правитель, тем более легендарнее и мифичнее о нем сказания. Миф наслаивается на реальную историю. Чем древнее история, тем сложнее проникнуть сквозь наслоения мифов, скрывающих подлинную историческую личность.

Возвращаясь к «Петру-Гераклу» и «Кутузову-Алкиду» отметим, что сравнение того или иного государственного деятеля с Гераклом – явление эпохи Возрождения, характерное не только для России, но и для Европы, где Геракл

проник во все виды искусства. К примеру, в шведских панегириках, посвященных королям этой страны, с величайшим героем Древней Греции сравниваются Густав Адольф и Карл XI [86, с. 139]. Карл XII сравнивался с греческим героем не только в целом (как вершитель подвигов), но сравнению подверглись двенадцать его деяний по образцу такого же количества подвигов у Геракла [85, с. 752–753]. В польских пьесах Геркулес символизировал короля Августа II, победившего турок под Каменец-Подольским. На польских и русских сценах действовали Персей, Ясон, Геркулес, Дамокл, Бахус. Театральные подмостки знали фигуры плачущего Гераклита и смеющегося Демокрита. Им был знаком Зевс, Купидон, Цербер, Кастор и Поллукс и многие другие боги и герои древнего мира. При этом в польском театральном репертуаре XVII в. античные сюжеты составляли 10% [129, с. 79]. Последнее объясняется большей близостью Польши к европейской культуре с ее пронизанностью возрожденческими идеями.

Эпитетами «Геркулес» обладали не только выдающиеся отечественные государственные деятели. Аналогичные названия носили корабли и пароходы русского дореволюционного флота, выполнявшие гражданские, военные и даже научно-исследовательские функции. Так, первый по времени корабль с названием «Геркулес», из встречающихся в справочниках, имел 52/48 пушек. Он был заложен в октябре 1697 г. на Чертовицкой пристани и спущен на воду в мае 1699 г. В апреле 1702 г. был переведен из Воронежа в устье Дона. В мае 1710 г. перешел в Азов где был поставлен на ремонт в эллинг. В 1711 г. после сдачи Азова в результате неудачного для Петра I Прутского похода, был там и оставлен. Другой, теперь уже пароходо-фрегат с названием «Геркулес», был спущен на воду 1831 г. Прослужив 23 года в 1854 г. оказался исключен из списков судов флота и продан на слом. Третий пароход с аналогичным названием имел 22/24 пушки. Он был заложен на Охтенской верфи в Санкт-Петербурге, спущен 8 августа 1831 г. В 1843 г. он был тимберован (отремонтирован) в Кронштадте с прибавлением длины и обращением в пароходо-фрегат.

Один из кораблей с названием «Геркулес» ходил по Каспийскому морю. В справочниках по русскому дореволюционному флоту можно обнаружить о нем следующую запись: «16 пушек. Заложен в Казани в 1819 г., спущен 14 мая 1820 г. В 1820 г. перешел из Казани в Астрахань. В 1821–1824 гг. находился в практическом плавании в Каспийском море. В 1825 г. участвовал в экспедиции профессора Э.И. Эйхвальда, изучавшей фауну Каспийского моря, а затем перевозил войска из Астрахани в Баку. Во время войны с Персией 1826–1828 гг. находился в Астрахани, где в 1831 г. и был разобран» [157, с. 101, 154–155, 281, 397; 32, с. 108, 130, 446, 648]. Корабли с именем «Геркулес» служили на благо России, участвуя в политических и военных событиях, о чем свидетельствуют упоминания о них в архивных документах [2, с. 267; 3, с. 435]. В справочных изданиях зафиксирован именно латинизированный вариант имени четырех русских кораблей – «Геркулес», а не «Геракл», которое мы так и не встретили.

Геракл в трудах деятелей русской науки и просвещения

Античные сюжеты, в том числе сюжеты о Геракле, во множестве присутствуют не только в изобразительном искусстве, в переводной и компилятивной литературе, в отечественных «Хронографах» и житиях святых, но в письменном наследии более поздних русских авторов, отлично знавших как византийскую, так и оригинальную греческую литературу. Среди отечественных мыслителей особо выделяются ранние российские историки, которые считают необходимым пользоваться античными источниками при поиске ответов на вопросы, поставленные в связи с происхождением славян и Руси.

Например, русский историк и переводчик А.И. Лызлов (ок. 1655 – ок. 1697 гг.) в «Скифской истории» не мог не использовать в качестве источника широко известную геродотовскую легенду о происхождении скифов от Геракла. Эта легенда встречается в ряде русских хроник, например, в «Густынской летописи» XVII в [104, с. 23]. Самого Геродота в качестве источника легенды А.И. Лызлов не называет, но и не критикует его сведений о том, что «Скифия названа есть от Скифа, сына Геркулесова». Хотя рождение Скифа от

полудевы, полузмеи, он не принимает, «ибо о таковых, кроме Мелюзины морской, не обретаются». По его мнению, правы те историки, которые «мнят повесть то быти лживую или басни в себе содержащую». С другой стороны, А.И. Лызлов высказывает уверенность, что столь дивные существа вполне могут существовать.

Как отмечает А.П. Богданов, сделавший современный комментарий к труду А.И. Лызлова, «мелюзина морская» – это героиня кельтского фольклора, позже – латинской поэмы, французских, немецких и польских романов, которая периодически превращалась в полуженщину, полузмею, обитавшую в воде. В России была издана «История благоприятна о благородной и прекрасной Мелюзине с польского на словенский (язык) на Москве преведеня преводником Иваном Руданским в лето 7185 (1677)» [5, с. 8, 448]. Отвергая существование древнего чудовища, о котором мало что известно, А.И. Лызлов признает вероятность существования чудовищ более «современных», о которых «написано в книгах». Впрочем, персонажи библейской мифологии (например, тот же Самсон), мало чем отличаются в своей сверхъестественности от Мелюзины. Элементы архаики и веры в потустороннее в большей или меньшей степени присутствуют в сознании всякого человека, вплоть до наших дней.

Историк, географ и активный государственный деятель В.Н. Татищев (1686–1750 гг.) в первом по-настоящему капитальном труде по истории – «История Российская» уже более широко и с большей внимательностью обращается к трудам Геродота, Диодора Сицилийского, Страбона, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и т. д. Труд Татищева представляет собой переходную форму от летописной к критической историографии. В то же время Татищев не полностью исключает существование Геракла как исторической личности. Во-всяком случае, не подвергает критике сообщения античных авторов о нем и его деяниях. «Но междо всеми в том положении амазоны есть древнейшее имя славян. О них же Диодор Сикилийский говорит, что жили в Африке и Геркулесом либиским в Азию переведены» [137, с. 89].

Проявляя живой интерес к скифам, В.Н. Татищев черпал знания о них у Геродота. Русский историк тщательно пересказывает геродотовскую историю о Геракле, который, совершив десятый подвиг, гнал похищенных коров Гериона к заказчику-Эврисфею. По пути он оказался в пустынной Скифии. В изложении В.Н. Татищева легенда звучит так:

Геркулес, пришед в сию пустыню и не могши терпеть великой тамошней стужи, оделся львиною кожею и лег спать. В то время не без определения божеского его лошади, для паствы выпряженные из воза, ушли, которых он, проснувшись, пошел искать и, долго искав, пришел ко урочищу, называемому Гилиа (лиман при устьи Днепра), где он в пещере нашел чудовище, которое частью жене, частью змие подобно было: голова до чресл девичья, а ниже чресл змия. Геркулес, видя ея, удивился и спрашивал ея о его лошадях, на что она отвесчала, что те лошади у нея, но он их не достанет, ежели с нею не переспит; по которому Геркулес с нею любодеение учинил и за то не токмо своих коней, но и подарки от нея получил» [136, с. 132].

Далее следует пересказ легенды о рождении «чудовищем» трех сыновей Геракла – Агафирса, Гелона и Скифа. Доверяя, в целом, сообщениям античных авторов о происхождении амазонок и скифов, В.Н. Татищев имеет представление и относительно внешнего облика Геракла, в частности – о существовании неотъемлемого атрибута героя в виде палицы. При случае, русский историк экстраполирует эти представления. Так, описывая откуда пошла Русь, он пишет:

Престол перво был в Гордорице, ныне Старая Ладога, потом в Новеграде Великом. Народы в сей части упоминаемы у Нестора и последователей... Герб сего великаго княжения древнейший был муж стоящий, подобно Геркулесу, дубину пред собою имеющий, потом врата с тремя верхами и во вратех оный муж з дубиною, как в Любеке такие печати древние хранятся» [136, с. 352].

Примечательно, что В.Н. Татищев соотносит и сравнивает «мужа с дубиной» на гербе не с каким-то местным русским/славянским героем или преданием об этом герое (он не обнаруживает аналогий), но с греческим Гераклом.

Отечественный историк демонстрирует удивительно хорошие познания греческих источников и понимание образов эллинистических героев.

Великий отечественный ученый М.В. Ломоносов (1711–1765 гг.) в оде, сочиненной в 1742 г., пишет: «Всяк мнит, что равен он Алкиду / И что, Немейским львом покрыт...» [81, с. 90–91]. Несмотря на то, что М.В. Ломоносов, как упоминалось выше, на открытии Академии художеств в 1764 г. осудил чрезмерное увлечение античностью, он сам испытывал к ней непреодолимую тягу. Что вылилось, например, в «Разговор с Анакреонтом» – в русское переложение пяти стихотворений древнегреческого лирического поэта Анакреонта (570/559 – 485/478 до н.э.). При этом на каждое из этих стихотворений М.В. Ломоносов в 1761 г. привел собственный стихотворный ответ [82, с. 761–767]. В некоторых своих стихах М.В. Ломоносов, будучи еще и поэтом-классицистом, обращается к своей Музе, требуя от нее вдохновения и гарантии победы над славнейшими поэтами древности – Пиндаром, Гомером, Назоном. В других случаях – обращается к Гераклу и Немейскому льву, которые служат по выражению А.В. Западова «мифологическим реквизитом» для прославления силы русского оружия и победы [51; 41–44].

Обширные познания античных богов и героев демонстрирует поэт, драматург и литературный критик А.П. Сумароков (1717–1777 гг.). Будучи первым профессиональным русским литератором, он создавал оды, сатиры, элегии, песни, эпиграммы, эпитафии и т. д., используя в стихотворной технике все известные к тому времени размеры. В притче «Осел во львовой коже» осел надевает шкуру льва и блистает в ней, подобно Гераклу [132, с. 208]. Во второй «Вздорной оде» упоминается Геракл, побеждающий Лернейскую гидру; присутствует там и Цербер, лающий в три гортани [131, с. 289].

Почти все подвиги Геракла, как и многие иные сюжеты греческой мифологии знает и перечисляет русский писатель и философ А.Н. Радищев (1749–1802 гг.) в «Песне исторической» [107, с. 78–79]. Русский поэт, драматург и художник М.Ю. Лермонтова (1814–1841 гг.) часто использовал обобщенный

аллегорический образ «Россия – великан» и уподоблял Российское государство спящему русскому богатырю Еруслану Лазаревичу [75, с. 556]. В числе ранних несохранившихся творений М.Ю. Лермонтова имелись произведения «Геркулес» и «Прометей», которые, по словам самого автора, взял для публикации в периодическом литературном сборнике «Каллиопа» М.Г. Павлов, после чего их следы теряются [7, с. 312, 552]. Современные исследователи (например, Е.Ф. Шефер [156, с. 59–60]) выделяют многочисленные античные реминисценции (как явные, так и скрытые) в творчестве М.Ю. Лермонтова. Исключительную проникновенность поэзии, прозы и даже писем русского поэта выделяют читатели, литературоведы, философы.

Так, русский религиозный философ, литературный критик и публицист В.В. Розанов (1856–1919 гг.) подчеркивал первобытную искренность, «удревняя» М.Ю. Лермонтова до эпохи Геракла: «Из-под уланского мундира всегда у Лермонтова высовывается шкура Немейского льва, одевающая плечи Геркулеса. Древний он поэт, старый он поэт. И сложение стиха у него, и думы его, и весь он – тысячелетнего возраста. Точно он был и плакал при творении мира, когда «и сказал Бог – да будет свет, и стал вечер, и стало утро – день первый». Он все это запомнил, и вот этою давнею любовью, дедовскою, родною, лешою, «ангельскою» ли, «демоническою» ли (как хотите, по выбору) полна его поэзия» [109, с. 88]. Сравнение с Гераклом неслучайно: поэт быстро и заслуженно возвысился могучим исполином русской литературы. «Алкидом» называл М.Ю. Лермонтова и жесткий литературный критик В.Г. Белинский (см. ниже).

Ярчайший представитель русского классицизма Г.Р. Державин (1743–1816 гг.) проявлял живейший интерес к античному наследию. Эта тяга послужила толчком к изданию в 1804 г. сборника «Анакреонтические песни». Г.Р. Державин поместил в этот сборник как собственные оригинальные стихотворения, так и переводы (иногда – переложения) творческого наследия Анакреонта, Сапфо и некоторых иных греческих поэтов. Геракл фигурирует во многих

стихах Г.Р. Державина (одно из стихотворений даже посвящено ему специально), представая перед нами как младенец, разрывающий змей, герой множества битв, победитель Лернейской гидры. «Российскими Геркулесами» названы Румянцев и Суворов [41, с. 41, 134, 174, 206]. Творчество Г.Р. Державина как поэта опирается на античных предшественников, которые, безусловно, вдохновляли его и воодушевляли.

На античных предшественников широко опирался и русский поэт, драматург и общественный деятель В.В. Капнист (1758–1823 гг.). Дедом поэта был П.Х. Капниссий, уроженец греческого острова Закинф. Происхождение от греков, а также хорошее образование давали о себе знать в плане крайней увлеченности античной поэзией. Чтение и перевод римского поэта Квинта Горация Флакка позволили В.В. Капнисту использовать героев античных мифов и их образы во многих своих стихах. Так, поэт сравнивает с Гераклом российское государство, его военную мощь, доказанную в победах над врагом:

*Сбылось предсказанное мною;
Сбылось; и Росский Геркулес
На гидру наступил пятою,
Чрез Альпы ногу лишь занес.
Сразя чудовище Секваны,
Воспламененны им волканы
Его он кровью потушил;
И отсеченными главами
Меж неприступными скалами
Широкий путь свой уравнил.
Стократно Гидры сей паденьем
Взволнован был ревущий Пад
И страшным с гор ко дну стремленьем
Ее скрывающих оград.
Стократно, лишь земли касалась,*

*Она внезапно оживлялась,
Как лютый в древности Антей.
Но чары вновь Алкид разрушит:
Он Гидру над гнездом задушит
Десницей сильною своей [61, с. 139].*

Считается, что эта ода была написана в начале мая 1799 г., когда в Россию начали поступать известия о первых победах Суворова в Италии над войсками французской армии. В апреле 1799 года Суворов вступил в г. Милан [61, с. 720]. Речь идет об участии России во второй антифранцузской коалиции (Великобритания, Австрия, Турция, Неаполитанское королевство) для похода в северную Италию, захваченную войсками Французской Директории. Если Геракл – это Россия, то Лернейская гидра – французы. Стоит отметить, что у В.В. Капниста имеет место неточность (если строго следовать античному канону): Геракл задушил не Лернейскую гидру, а Немейского льва, в то время как гидре он отрубал головы.

В статье «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении» В.В. Капнист уделяет неожиданно большое внимание одиннадцатому подвигу Геракла, связанному с похищением яблок из сада Гесперид. В этой статье прослеживается В.В. Капнист-исследователь, пользующийся знаниями и умениями научной деятельности, доступными в 1780-х годах. Удивляет обилие примечаний, составленных автором к своей статье. До него таким приемом изложения материала широко пользовался историк В.Н. Татищев (1686–1750 гг.). Впрочем, В.В. Капниста интересует не столько подвиг Геракла, сколько встреча героя с Атлантом (Атласом), поддерживающим небеса. Он утверждает, что многие греческие историки ошибочно размещали Атласа и сады Гесперид на юге, в то время как «подлинное» их месторасположение – на севере, в границах России: «гора Алтай, соседняя Рифейским вершинам, золотые рудники в себе заключающая, может быть, есть оная гора Атлас, название свое через перемещение одной буквы [«л»] переменившая, и южный кряж ее, поныне под названием яблочного

известный, может напомнить нам о яблоках Гесперидских». Соответственно, здесь располагается и «Гиперборейская Атлантида» [60, с. 171].

В своей достаточно основательной статье В.В. Капнист пытается доказать происхождение славян и выявить древнейшие истоки русского искусства и поэзии. Он исходил из предпосылки, что предками славян был народ, который упоминается в античной мифологии под названием «гиперборейцы». Автор статьи не допускает, что «родство» слов «Атлас» и «Алтай» является следствием ложной этимологии и отвержением омонимии (близких по звучанию, но совершенно разных по своему значению слов). Усилиями современных исследователей творчества В.В. Капниста в его архиве были найдены две незавершенные черновые рукописи. Одна из них посвящена анализу древнегреческих мифов о гиперборейцах, вторая – мифологии Титанов, от которых, по мнению автора, произошли гиперборейцы. Идея объединить эти две статьи со статьей «Краткое изыскание о гипербореанах...» и издать их отдельной книгой не получила развития, поскольку друзья В.В. Капниста не одобрили гипотезу о происхождении славян от гиперборейцев [60, с. 165–185, 563].

Видный русский историк и литератор Н.М. Карамзин (1766–1826 гг.) известен как автор «Истории государства Российского». Долгий труд, связанный с кропотливой работой в архивах, с поиском и разбором летописей (историк обнаружил, в частности, Ипатьевскую летопись, использовал уничтоженную пожаром 1812 г. Троицкую летопись, ввел в научный оборот массу иных), привел к тому, что работа Н.М. Карамзина была признана лучшей на тот момент. Историк знал труды античных историков, но на мифологические сюжеты мало обращал внимания, как и на историю эллинизма в целом. Н.М. Карамзин был уверен, что «деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей». Однако «некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева,

восстание Россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия» [63, с. 15].

Зато из труда Н.М. Карамзина (точнее, из обширных примечаний к нему) мы узнаем, что деяния Геракла были известны не только русским книжникам, но и ранним историкам Польши. Более того: первые польские государи сами в некоторых случаях, возможно, равнялись на Геракла и могли копировать его поступки. По сообщению Н.М. Карамзина, «Польские Историки (Длугош, Кромер, Сарницкий и другие) говорят, что Болеслав, пред выступлением из Киева, в знак владычества своего над Россиянами, и следуя примеру Геркулеса, поставил столпы железные в Днепре, где впадает в него река Сула» [64, с. 198]. Далее по тексту, правда, выясняется: точное местоположение «столпов железных» установить не удастся, поскольку разные авторы указывают их различное местоположение (не только в России, но даже, например, в Саксонии на реке Сале). Впрочем, были ли вообще поставлены эти столпы (по другой версии – «золотые врата»), или это лишь легенда, понять нельзя. «Равнение на Геракла» царя Болеслава могло стать экстраполяцией античной традиции, допущенной в отношении Болеслава поздними польскими летописцами и историками.

Отличный знаток античности, в том числе большинства эллинских историков и философов В.О. Ключевский (1841–1911 гг.), будучи прекрасным историком, также избегает прямых упоминаний Геракла и его подвигов. Зато русский историк С.М. Соловьёв (1820–1879 гг.) в фундаментальной работе «История России с древнейших времен» при источниковедческом анализе истории скифов и славян не оставил без внимания сведения греческих и античных историков. Как и его ранний предшественник – В.Н. Татищев, С.М. Соловьёв воспроизводит геродотовскую легенду о происхождении скифов от Геракла. Опуская, правда, предысторию, будто Геракл оказался в Скифии перегоняя коров Гериона. С.М. Соловьёв также не склонен воспринимать всерьёз предание о происхождении скифов. Он называет эту конструкцию – мифом, а источником

происхождения данного мифа – не самих скифов, но понтийских греков (т.е. греков, живущих у Понта – Черного моря).

Используя критический подход, русский историк пытается отыскать и находит рациональное зерно в этом предании: «в этом мифе замечательно также для нас сближение трех народов – агатирсов, гелонов и скифов – как происшедших от одного прародителя». Видеть Геракла прародителем трех указанных народов для С.М. Соловьева – неприемлемо. Что касается обычаев скифов и их кочевого образа жизни, то русский историк склонен не только доверять сведениям античных авторов, но и распространять на античных скифов образ жизни современных кочевников: «их [скифов] обычаи – обычаи всех кочевых народов, каких еще и теперь много питают степи Средней Азии» [125, с. 78–79].

Из труда С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» мы можем получить представление, насколько широкой известностью пользовались подвиги Геракла в эпоху Петра I. Так, президент Юстиц-коллегии Матвеев подал государю в 1721 г. жалобу, в которой указывал на чрезмерную загруженность работой. Он оправдывался перед Петром I следующим образом: «По указу вашего величества положено на коллегии Юстиции прежних семь приказов, т.е. Поместный, судные все, Сыскной, Земский, и прибавлены еще фискальские дела: бремя несносное... знатные особы... увидав, что я им без поманки и без всякой корысти по делам их не угождаю, всячески с своими приятелями и фамилиями намереваются и угрожают у вашего величества и в Сенате всегдашний вред мне причинять, отчего я, в таком своем крайнем сиротстве будучи постоянно, опасаюсь их, ибо и Геркулес едва ли бы мог против двоих стоять» [127, с. 440].

В данном случае Матвеев имеет в виду второй подвиг Геракла – убийство Лернейской гидры. По наиболее распространенной версии, Геракл, рубя гидре головы, всякий раз лишь умножал их на две. Осознавая логичную невозможность победить в одиночку Лернейскую гидру, античные сочинители добавили в легенду Иолая, который прижигал Гидре рубленные шеи. Вдобавок ко всему, во

время борьбы с Лернейской гидрой, из болота вылез рак Каркин и схватил Геракла за ногу (версия мифа Псевдо-Аполлодора [105, с. 33–34]). Уже древнегреческий философ Платон (428/427 – 348/347 гг. до н.э.) в своем этическом диалоге «Критон» отмечал, что «против двоих даже Гераклу не выстоять» [99, с. 373].

Эту фразу современные исследователи творчества Платона связывают именно с сюжетом борьбы Геракла с гидрой, а также с вмешавшимся в эту борьбу раком (на стороне гидры) [99, с. 440]. По-видимому, вмешательство Иолая в борьбу с Лернейской гидрой (на стороне Геракла) и способствовало возникновению пословицы «против двоих даже Гераклу не выстоять», которая была знаменита не только в античную эпоху, но и в средние века. Ее упоминает, например, византийская принцесса, одна из первых женщин-историков Анна Комнина (1083–1153/1155 гг. н.э.) в труде «Алексиада» при указании на невозможность воевать одновременно против двух армий (Анна Комнина. «Алексиада». Книга III, 11 [6, с. 195], книга XIII, 7 [6, с. 536]). Пережив века, это изречение прижилось и цитировалось в России в эпоху Петра Великого.

К слову, популярность этой фразы не ограничивалась Россией. В XVII в. в литературе Швеции становится весьма распространенным сравнение с Гераклом местных королей. Да и сам Геракл, в канве общеевропейских традиций Возрождения, приобретает в Швеции огромную популярность. По времени это совпадает с правлением в России Петра I, сравнение которого с Гераклом – частый прием посмертного восхваления государя (см. выше). В шведских панегириках король Карл XII (1682–1718 гг.) не только достигал славы Геркулеса, но и превосходил его. К примеру, в «Печальной эпической песне» Улофа Рудбека-младшего, опубликованной в Уппсале в 1719 г. на смерть шведского короля, сказано: «когда взрослый Геркулес не мог противостоять двоим, молодой и невзрослый Карл легко побеждал троих» [86, с. 139–140].

Шведские панегирические тексты сопровождались визуализацией Геркулеса, в том числе совершающего некоторые подвиги. Имелись и прямые отождествления. К примеру, на выполненной карандашом иллюстрации к рукописному

латинскому стихотворению Геркулес ведет трехголового Цербера. В книге Нордберга «История Карла XII» имелось изображение Геркулеса, поражающего трехголового Цербера и, на фоне Нарвы, – многоголовую гидру. В поэме «Шведский Геркулес» шведского отца поэзии Георга Шернъельма Геракл символизирует саму Швецию. На картинке, украшающей изданный в 1686 г. панегирик Карлу XI, Геркулес представлен лежащим под коронами и одетым в рыцарские доспехи. Под рисунком имелась надпись на латинском языке: «Sueco Gothorum Hercules ante Cupas» («Шведский Готский Геркулес в колыбели») [86, с. 139–140].

Русский публицист и литературный критик В.Г. Белинский (1811–1848 гг.) довольно широко использует мотивы греческой мифологии при рецензировании современных ему литературных творений. Указанный автор прославился именно как критик, видя в этом свое призвание. Фраза «геркулесовы столпы», обозначавшая в античное время крайние высоты Европы и Африки, обрамляющие вход в Гибралтарский пролив, достаточно часто встречается в его произведениях. «Геркулесовыми столпами/столбами» В.Г. Белинский называет культурно-историческую роль Древнего Рима в мировой истории, высокую ступень развития человеческого ума и государственности того времени. Хотя эта ступень, по его версии, была ошибочно принята римлянами за вершину, но таковой «на самом деле» – не являлась [11, с. 35].

Полюбившейся фразой В.Г. Белинский еще не раз назовет культурные свершения человечества в той или иной стране [11, с. 68], философские концепции [19, с. 178] или «авторскую бездарность» («бездарности так же нет границ, как и гению») [14, с. 197]. Всякий раз автор будет подчеркивать: люди заблуждаются относительно истинной значимости своих достижений, как материальных, так и интеллектуальных. «Геркулесовы столбы» в понимании В.Г. Белинского – это всегда горы, застилающие взгляд, разум и интеллектуальное развитие творческого человека. Это синоним преграды или непреодолимого препятствия, выполняющего отрицательные функции. Пожалуй, лишь один раз В.Г. Белинский использует это словосочетание в положительном смысле. По его мнению,

лишь комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» до сих пор высится в русской литературе «геркулесовскими столбами, за которые никому еще не удалось заглянуть» [21, с. 442]. Поддерживая столь высокую характеристику творчества А.С. Грибоедова со стороны В.Г. Белинского, современные исследователи подчеркивают: «Горе от ума» оказало мощное влияние на формирование принципов реализма в русской литературе и театре, на содержание общественно-политических концепций русского освободительного движения, а также на нравственное воспитание целого ряда поколений [58, с. 324].

Известны В.Г. Белинскому и подвиги Геракла. Он достаточно часто упоминает их совокупность как вершину человеческих достижений, концентрацию человеческих усилий в рамках страны или эпохи [11, с. 47]. Когда В.Г. Белинскому поручили написать короткий обзор развития русской литературы за первое полугодие 1835 г., он отметил, что этот период слишком мал для того, чтобы в литературе произошли какие-то изменения и ему, как критику, предстоит совершить истинно геркулесовый подвиг дабы выполнить поставленную перед ним задачу [13, с. 7]. «Геркулесовый подвиг» для В.Г. Белинского – прочесть «скучный, бестолковый и безграмотный» роман [16, с. 52–53]. Неоправданный гиперкритический настрой В.Г. Белинского по отношению к современной ему русской литературе проявляется в выражениях вроде «геркулесовские столбы бездарности» при характеристике некоторых рецензируемых произведений [15, с. 336].

Случается, что В.Г. Белинский сравнивает то или иное свершение конкретного человека (литературного героя) с подвигами Геракла, причем, сразу со всеми подвигами. Такой подход автора реализован в ироничной манере. По В.Г. Белинскому, поступки человека бывают довольно ничтожны, как ничтожен сам человек, прилагающий геркулесовы усилия в собственной глупости, самодовольстве и желании выслужиться [10, с. 131].

При случае В.Г. Белинский упоминает и конкретные подвиги Геракла. Так, высоко оценивая литературные труды М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинскому отмечает: «В сознании великой, вознаградимой утраты, в полноте едкого,

грустного чувства, отравляющего сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожного в своих приговорах сомнения и охотно сознаться, что, говоря так много о Лермонтове, мы видели более будущего, нежели настоящего Лермонтова, – видели Алкида, в колыбели удушающего змей зависти, но еще не Алкида, сражающего ужасною палицею Лернейскую гидру...» [9, с. 451]. «Алкид в колыбели» для В.Г. Белинского – это начинающий литератор вообще, в ранних произведениях которого (иногда – ошибочно) ощущается мощь его будущего гения [17, с. 210]. Да и русская литература в целом «всё еще младенец, положим, младенец – Алкид, но всё же младенец» [12, с. 436]. «Младенец Алкид, душивший змей в колыбели» по В.Г. Белинскому – это и российское государство до эпохи Петра Великого. Описывать историю государства до Петра – все равно, что писать об «истории младенца Алкида» [18, с. 541].

В 1841 г. В.Г. Белинскому предстояло рецензировать ряд собраний древнерусских сказок и былин. Он тщательно изучил содержание четырех изданных книг на эту тему и охарактеризовал героев этих книг. По мнению В.Г. Белинского, «Илья Муромец отличается от всех других богатырей. Он – стар человек, на пирах не похваляется, он тридцать лет сидел сиднем, и вся остальная часть жизни его посвящена была на очищение проезжих дорог от разбойников и разных чудовищ. Это русский Геркулес» [20, с. 380]. Сюжетное сходство трудов Илья Муромца с подвигами Геракла не осталось незамеченным для литературного критика. Будучи хорошим знатоком как современной ему отечественной и зарубежной (в том числе переводной) литературы, так и античных источников, В.Г. Белинский использует достаточно редкий для того времени метод сравнения образа героев славянской и греческой мифологий. Сейчас бы мы назвали это «сравнительной (компаративной) мифологией». Принципы этого метода только формировались в эпоху В.Г. Белинского. В стройную систему их оформил видный немецкий филолог и религиовед Ф.М. Мюллер (1823–1900 гг.). В то же время принципы сравнительной мифологии независимо от немца прослеживаются и у отечественных ученых и просветителей того времени.

Словосочетание «геркулесовы столбы» приглянулось и современнику В.Г. Белинского – Н.А. Добролюбову (1836–1861 гг.). Использует он это понятие, как и его коллега по критическому ремеслу, чаще всего в ироничной манере: «геркулесовы столбы русской гласности есть красноречивейший, несокрушимый памятник мелочности прошлогодней литературы» [45, с. 107]. Упоминает он и «геркулесовые столбы человеческой эксцентричности» [48, с. 131], «геркулесовы столбы конца истории» [42, с. 191], «геркулесовые столбы гуманности» [46, с. 455], «геркулесовы столбы гласности» [47, с. 413] и т. д. Подлинное восхищение образом Геракла Н.А. Добролюбов высказывает в рецензии на «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова, отрицательно характеризуя праздность героев названного произведения: «...только Геркулес способен был к такому самоотвержению, когда его встретили с своими предложениями Нега и Труд. Зато Геркулес и относится к области мифологии. Люди исторических времен поступают уже не так» [44, с. 325]. Признавая мифологичность Геракла, Н.А. Добролюбов, однако, считает греческого героя образцом морали и самопожертвования в стиле, удивительно характерном для греко-римского писателя Флавия Филострата Старшего (170–247 гг.) [145, с. 123].

Когда в 1858 г. выходит в свет «Свод исторических и народных преданий» за авторством А. Вельтмана, Н.А. Добролюбов в своей рецензии отмечает: «Мало того, древний Иракл, иначе Арей, – есть не что иное, как древнерусский Яро или Юрий. А ведь известно, что Геркулес был сын самого Зевса и жил лет за 1300 до р. Хр. Но даже и этого недостаточно: г. Вельтман намекает на еще более отдаленную древность, говоря, что славяне жили в Дании прежде датчан, которые, по иным сказаниям, пришли сюда из Азии во времена Серуха, прадеда Авраамова, т.е. лет за 2500 до р. Хр. Словом, если еще подлежит сомнению, был ли славянином Ной, то один из сыновей его наверное был уже славянин» [43, с. 336]. Столь глубокое удревление истории славян, намеки на связь русского народа с Гераклом, Н.А. Добролюбов, даже не будучи

профессиональным историком, подвергает насмешке. Он открыто высказывает необходимость поиска дополнительных доказательств подобной теории.

Образ Геракла как человека, обладающего огромной физической силой, плотно въелся в ум русского писателя, философа и энциклопедиста Н.Г. Чернышевского (1828–1889 гг.). В целом ряде своих произведений как художественного, так и научно-критического характера, он сравнивает людей с великим героем Древней Греции. Например, в романе «Что делать?» описывается «Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет 20–15 тому назад». Он «был гигант геркулесовской силы; 15 вершков ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил 15 пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый» [149, с. 199]. Знание греческой мифологии, в том числе античного понимания личности Геракла, Н.Г. Чернышевский демонстрирует в литературно-критической статье «Очерки гоголевского периода русской литературы»: «Геркулес мог поражать пигмеев, хотя и в этом ему не было особенной славы; но миф не говорит, чтобы он терял время в потехах над ними» [148, с. 52]. По мнению Н.Г. Чернышевского, Геракл – весьма морален, не глумится над слабым и не довольствуется легкой победой.

Геракл прославился двенадцатью основными подвигами. Это число было сформулировано еще в самый ранний период систематизации мифов о герое древнегреческим эпическим поэтом Писандром из г. Камирея на о. Родос (жил ок. 640 г. до н.э.) в труде «Гераклея» («*Ηράκλεια*»). В данной работе, которая не дошла до наших дней, Писандр впервые изложил подвиги Геракла числом двенадцать. В некоторых случаях, когда стоило совершить какое-то великое деяние, люди античной эпохи говорили о «тринадцатом подвиге Геракла». Часто – с насмешкой. Например, в одном из античных предисловий к трагедии афинского драматурга Софокла (497/6–406/5 гг. до н.э.) «Трахинянки», перечислены не двенадцать подвигов Геракла, как обычно, но тринадцать. Автор предисловия называет «тринадцатым подвигом» любовную связь Геракла с пятьюдесятью

дочерями Фестия: «Фестия взял дочерей он, тринадцатый подвиг свершивши» [128, с. 462].

Словосочетание «Тринадцатый подвиг Геракла» нашло отражение и у отечественных авторов. А значит, они прекрасно понимали, что из себя представляют двенадцать каноничных и как будет выглядеть тринадцатый на их фоне. Так, русский публицист, демократ и литературный критик Н.В. Шелгунов (1824–1891 гг.) констатировал неуклонное поступательное развитие России во второй половине XIX в., отмечая «умственный прогресс» людей из поколения в поколение. «Тринадцатый подвиг Геракла» по Н.В. Шелгунову – это безуспешная попытка «антипрогрессивного» Тургенева, Гончарова и Писемского повернуть историю и образ мысли людей в обратном направлении [151, с. 148]. Пользуется Н.В. Шелгунов и весьма распространенным в XVIII–XIX вв. термином «геркулесовы столбы» применительно к уровню «противоречий самому себе и здравому смыслу», допускаемому некоторыми писателями [152, с. 343].

Россия XIX в. оказалась удивительно богата на мыслителей, чьи интересы выходили далеко за рамки одного предмета. Если В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.В. Шелгунов применяли свои познания и аналитические умения на поприще по большей части литературной критики, то К.Н. Леонтьев (1831–1891 гг.) оказался исключительно разносторонним человеком. Он вошел в историю как врач (имел медицинское образование), дипломат (служил в МИДе и был на консульской работе), писатель (опубликовал целый ряд романов), публицист (четыре года жил в Константинополе и на острове Халки, занимаясь написанием работ на актуальные для XIX в. темы), цензор (шесть лет служил цензором в Московском Цензурном комитете при Министерстве народного просвещения) и т. д. Помимо этого, К.Н. Леонтьев писал работы религиозно-консервативного направления, а в конце жизни принял монашеский постриг под именем Климент.

Серьезное увлечение К.Н. Леонтьева античностью и ее связывание с христианской традицией (осмысление античности с позиций христианского мировоззрения) прослеживается в романе «Одиссей Полихрониадес». Произведение

является составной частью цикла «Из жизни христиан в Турции» (1868–1882 гг.). Античность, связываемая с эллинизмом, представлена в романе как идеальное культурное начало. От лица ряда героев романа («купцов, докторов и ученых наставников») автор упоминает второй подвиг Геракла – убийство Лернейской гидры. Головами «ужасной гидры, с которой даже Гераклу всемогущего греческого ума не под стать бороться», названы негреческие языки, письменности и культуры по сравнению с греческим «божественным языком» и «эллинским просвещением» [73, с. 246].

Геркулес как образец мощи и большой физической силы упоминается у К.Н. Леонтьева в его воспоминаниях о Фракии, связанных с его консульской работой [72, с. 151]. В письменных работах разных лет упоминает К.Н. Леонтьев и «традиционный термин» многих русских мыслителей XVII–XIX в. – «геркулесовы столбы». Женщина у названного автора вполне может дойти до «Геркулесовых столпов безумия, несправедливости и нравственного расстройства» [74, с. 653]. Столь же больших и нерушимых высот может достичь человеческий эгоизм, человеческое величие и влияние. Под геркулесовыми столпами К.Н. Леонтьев понимает в одних случаях высоты, в других – преграды. Это двойственное понимание термина также весьма характерно для отечественной литературы XVII–XIX вв.

Не только русские ученые, философы и литературные критики использовали мотивы греческой мифологии и подвигов Геракла в целях экстраполяции на современную им действительность. Отличились здесь и деятели развитого православия. Напомним, еще митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий Римский-Корсаков (ок. 1639–1701 гг.) реконструировал свою генеалогию, создав «Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии, несравненного древностию времени роду... Корсаков-Римских» (далее – «Генеалогия...»). В ней он «доказал» родство с Гераклом и едва ли с первым человеком Адамом. Более поздние деятели православной церкви не дошли до этого, но все ещё детально помнили героя и его свершения.

Протоиерей Русской православной церкви, настоятель храма Святителя Николая Чудотворца в Плотниках, русский религиозный писатель, публицист и философ И.И. Фудель (1864–1918 гг.) также, при случае, пользовался античной риторикой. Он не пытался строить глубоких генеалогий (И. Римский-Корсаков здесь – личность весьма выдающаяся), зато охотно заимствовал античные понятия и символы. В частности, он достаточно низко оценивал труды русского религиозного мыслителя В.С. Соловьева (1853–1900 гг.), хотя и признавал его влияние на повышение общерусского самосознания. Он упрекал В.С. Соловьева в неверии, гордости и самомнении, в «равнодушии к Божественной Истине, к религии и Церкви», в «кощунстве, насмешке над Вселенскими Соборами и Святыми Отцами», в «глумлении над личной святостью» и использовании при этом «антихристианских языческих средств».

В письме к К.Н. Леонтьеву И.И. Фудель отмечает: «Он [В.С. Соловьев] указал нам нашу культурную немощь в сравнении с Западом и этим перенес центр тяжести на почву религиозную; он расширил наш горизонт и наш кругозор, указывая нам такие исторические задачи, которых еще никто не указывал; он напомнил нам о вселенском характере христианства. Он возбудил в обществе нашем интерес к религиозным вопросам; он разбудил нашу спящую богословскую мысль... Трудно перечислить все эти заслуги, жаль только одно, что все эти заслуги – отрицательного характера. Труд В. Соловьева – преимущественно труд Геркулеса, очистившего Авгиевы конюшни. И за это большое спасибо» [98, с. 300]. В данном случае «Авгиевыми конюшнями» названы труды иных мыслителей, а В.С. Соловьев сравнивается с Гераклом в части переосмысления накопленного богословского знания и поиска «правильного пути» в вопросах веры. По мнению И.И. Фуделя, путь, которым идет В.С. Соловьев – также в корне ошибочен.

В античной литературе «Авгиевыми конюшнями» было принято называть скопление чего-то неприятного, уподобляемого навозу. Греческий писатель-сатирик Лукиан из Самосаты (ок. 120 – ок. 180 гг. н.э.) сравнивает с Авгиевыми

конюшнями дела и поступки некоторых людей («Александр, или Лжепророк». 1 [84, с. 117–118; 83, с. 317]). В сочинении «Беглые рабы» Лукиан высказывает особую неприязнь к философам-киникам и их учению, борьбу с которыми он считает намного менее почетным ремеслом, нежели чистка Авгиевых конюшен («Беглые рабы». 16–18 [83, с. 263–264]). Традиция уподобления Авгиевым конюшням мыслей и трудов философов перекочевала в средневековую литературу, а затем и в литературу эпохи Возрождения. Так, христианский богослов и инициатор Реформации Мартин Лютер (1483–1546 гг.) крайне негативно относился к своему оппоненту Иоганну Фаберу из Констанца (1478–1540 гг.). Тот был ярким противником Лютера и в 1524 г. написал трактат «Молот, сокрушающий Лютерову ересь». По словам Лютера, высказанным им в произведении «О рабстве воли» (1525 г.), «бестолковый Фабер из города Констанц, подарил недавно миру свою жемчужину, нет, Авгиеву конюшню, от которой благочестивых людей тошнит и рвет» [160, с. 347].

«Традиция» интеллектуалов называть «Авгиевыми конюшнями» труды друг друга и даже всю историю философии [1, с. 66], прижилась, как мы видели в случае с И.И. Фуделем и в России. Этим сравнением не преминул воспользоваться и видный религиозный философ, литературный критик и публицист В.В. Розанов (1856–1919 гг.). В статье «Пестрые темы», написанной в 1908 г. и посвященной социально-политической обстановке в России, автор назвал «Авгиевыми конюшнями» российский «старый порядок» [112, с. 141]. В.В. Розанов возлагал большие надежды в борьбе с этим порядком на Государственную думу Российской империи III созыва, начавшей свою деятельность в ноябре 1907 г. «Авгиевыми конюшнями» В.В. Розанов беззастенчиво называл и околоцерковную жизнь: «Общество знало, хотя смутно и издалека, что творится нечто не только не «божественное», но даже и не человеческое, в «духовной цензуре», в «духовных учебных заведениях», и «духовном проповедничестве» и проч., и проч. Все это было до того загажено, что, напр., когда светским людям приходилось обращаться в духовный суд по делам семейным... до того все в них

было лихоимно, бесчеловечного, бесстыдно, по речам и по вопросам, «на законном основании» предлагаемым, клятвопреступно и лживо» [111, с. 759]. Стоит отметить, что столь резкая критика В.В. Розанова адресована не вере и не богу, но русской церкви и связанным с нею учреждениям (1906 г.).

Будучи философом, публицистом и критиком В.В. Розанов был исключительно начитанным мыслителем, использовавшим бесконечные аллегории, сравнения и экстраполяции, в том числе античных мотивов, по всякому поводу. В его необъятном письменном наследии можно обнаружить бесчисленные упоминания о Геракле. Все они так или иначе связаны с аллегорией физической силы, крупных и значительных (на грани возможного) человеческих достижений. Вполне обычным для В.В. Розанова становится выражение вроде «легкие революции выросли в Геркулеса» [110, с. 257] (о революционном движении в России), «Мальчик вырастает в мужа, из «Амура» вылутился «Адонис», и это совершилось так удачно и быстро, что друзьям автора можно помечтать даже о будущем Геркулесе из него» [108, с. 278] (о писателе Д. Мережковском), «Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного; ничего Геркулесовского» [113, с. 348] (об изображениях Иисуса Христа) – т.е. использование в творчестве всего спектра элементов образа, сопутствующих античному Гераклу.

Русский писатель, близкий к народничеству Г.И. Успенский (1843–1902 гг.) говорит о «геркулесовых столбах безобразия» в неподобающем человеческом поведении [141, с. 371]. В его рассказах «Геркулесами» названы высокие и физически крепкие люди. Похожее сравнение присутствует и у русского писателя и переводчика А.И. Куприна. К примеру, в рассказе «Мясо» в физической силе состязались «князь Белый, известный местный силач податной инспектор Шахтин и профессиональный геркулес из цирка – Франц Ризенкампф. Ризенкампф внушал кружку серьезное опасение своими чугунными мышцами, вокруг которых чуть не лопалась обтягивавшая их кожа» [69, с. 268]. Цирк в творчестве А.И. Куприна – частая и заметная тема. Искренне восхищаясь сильными и

здоровыми людьми, писатель в своих рассказах еще не раз будет именовать «Геркулесами» силачей, выступающих на публику.

Отечественный революционер и теоретик марксизма В.И. Ульянов (Ленин) (1870–1924 гг.) уверенно оперирует термином «геркулесовы усилия» [71, с. 444] применительно к большой и напряженной политической работе, а также многократно пользуется термином «геркулесовы столпы/столбы» [70, с. 176], обозначая разного рода убеждения и идеологии, довлеющие над человеческими массами. Как видим, это словосочетание несет устойчивую смысловую нагрузку и сохраняет значимость вплоть до XX в.

В XIX в. в России формируется устойчивая исследовательская традиция, направленная на изучение русского фольклора – устного словесного и музыкального народного творчества. Так, музыковед, композитор и исследователь славянского фольклора А.С. Фамицын (1841–1896 гг.) считал Геракла «греческим образом народного героя, прославившегося на весь мир». В процессе сопоставления культа Геракла-Геркулеса в Греции и Риме, он отметил «поразительное сходство» этого культа с ритуалом почитания и образом Святовита Арконского – языческого божества древних западных славян с острова Рюген. Далее А.С. Фамицын назвал Святовита «Геркулесом Арконским», отметив: «как в Святовите Арконском, так и в прочих поименованных солнечных божествах балтийских славян: Радегасте, Руиевите, Яровите, мы узнаем обожествленных народных солнцеподобных витязей или героев, подобных Гераклу и Геркулесу» [142, с. 88–90, 191, 194–197, 203, 271, 326–328].

Признав Геракла «солнцеподобным богом», назначив его «подателем плодородия», А.С. Фамицын, однако, оставил за бортом своего исследования мифологические деяния Святовита, Радегаста, Руиевита, Яровита в сравнении с деяниями Геракла/Геркулеса. Прямое отождествление Добрыни с Гераклом (а также с Аполлоном) принадлежит также историку русской литературы О.Ф. Миллеру (1833–1889 гг.). Мотив отождествления – змееборство [96, с. 818]. Он же указал на сходство мотива истребления Гераклом Стимфалийских птиц «на болоте» с

мотивом победы Ильи Муромца над Соловьем-разбойником, отметив: «и нашего Соловья окружают грязи, топь» [93, с. 266]. Выдающийся русский фольклорист, историк и литературовед А.Н. Афанасьев (1826–1871 гг.) отмечал, что Геракл – это «бог-громовержец», сказания о котором, равно как и сказания о других греческих божествах, восходят к «древнему арийскому мифу» [7, с. 781].

Видный русский лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства Ф.И. Буслаев, изучая русский фольклор, подчеркивал: «Многие мифы основаны на мысли о конечном истреблении зла. Так, наши богатыри подобно греческому Геркулесу истребляют чудовищных врагов и очищают Русскую землю от всякого сверхъестественного зла. Добрыня убивает огненного змея, Илья Муромец очищает дорогу от Соловья-Разбойника» [28, с. 274]. Привлекает внимание конструкция рассуждений Ф.И. Буслаева: первичным для русского фольклориста является образ Геркулеса, с которым «вторичные» Добрыня Никитич и Илья Муромец сравниваются и которому они уподобляются. Складывается впечатление, что Ф.И. Буслаев узнал о Геракле намного раньше нежели о русских народных героях, исследованию образов которых он посвятил свою обширную работу. Фундаментальное, что роднит всех троих по Ф.И. Буслаеву – мотив борьбы со злом. Геракл по мнению названного автора – солнечный бог.

Целый ряд выдающихся для своего времени мыслителей обращаются к традиционным русским былинам, преданиям, эпосу, сказкам, песням, частушкам, анекдотам, ритуалам, театру и даже танцу. Эти исследования часто были основаны на методе «всеобщего обобщения», приверженцы которого не допускали возможности независимого и самостоятельного возникновения и развития образов однотипных героев (например – великих богатырей) в разных этнических и культурных средах. Поскольку труды многих русских интеллектуалов носили исследовательский характер, поиски параллелей и заимствований былинных и сказочных образов в мифологической традиции более ранних народов становились методологически неизбежными. К сожалению, отсылка к внешнему сходству (большая физическая сила, владение оружием, героизм поступков в борьбе

со злом и т. д.) не сопровождалась детальным разбором и сопоставлением мифов и легенд, сопутствовавших героям. В то время как обстоятельства рождения, мотивы поступков, жизненный путь, обстоятельства смерти и даже «жизнь после смерти», например, Ильи Муромца, Добрыни Никитича или Святовита Арконского в сравнении с Гераклом были чрезвычайно различны.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Перечислять упоминания Геракла русскими писателями и учеными эпохи Возрождения, Просвещения и Нового времени можно бесконечно. Почти каждый из них интересовался греческими мифами, обращаясь к первоисточникам или к упоминаниям греческих мотивов в трудах современников. Это выливалось в многочисленные рецепции, сравнения и экстраполяцию эллинистической традиции на современность в полном соответствии с духом эпох. Знать греко-римскую мифологию, историю и работы авторов античного периода в России вплоть до Октябрьской революции считалось не только хорошим тоном. Античность, целенаправленно реставрируемая в эпоху Возрождения, вызывала подлинный интерес и очаровывала многих, кто с ней соприкоснулся.

2. Истоки русского искусства возводят, обычно, к художественной культуре славянских племен и к искусству античного и скифского Причерноморья. Однако в эпоху Древней Руси (с IX в.) причерноморская античность оказалась почти полностью забыта. Эллинистическое наследие с конца X в. заново просачивается в Русь, теперь уже не ограничиваясь причерноморским регионом. Оно осуществляется через Византию и византийских христианских авторов, а не напрямую из греческих источников. Причина тому – проникновение в Русь христианской веры напрямую из Византии, после так называемого «похода русов против Византии», когда было совершено нападение на окрестности византийской столицы Константинополя в июне 860 г. Это вылилось, впоследствии, в принятие Киевской Русью христианства «византийского обряда». Получилось,

что не Русь захватила Византию, а Византия завоевала Русь своей христианской религией и сопровождавшей ее религиозной культурой.

3. Проникновение античности на Русь через Византию полностью верно и для образа Геракла, который в большинстве ранних источников именуется латинизированным (романизированным) именем «Геркулес», под которым он был известен в Византии. Геракл как продукт греческой мифологии был заимствован римлянами, получив фонетически близкое имя «Геркулес». Именно византийцы – прямые наследники римлян, донесли до Руси образ героя с его латинизированным именем. В дальнейшем, когда в России появляются самостоятельные переводы греческих первоисточников, имя «Геракл» становится значительно более распространенным в письменной культуре.

4. Князь Олег, Иван Грозный, Петр I, Екатерина II и др. запомнились как деятели, изменившие образ Российского государства. Геракл, будучи полностью вымышленным персонажем, мифология которого была сложена из сотен или даже тысяч античных героев-прототипов, оказал на русскую культуру столь же огромное влияние, сформировав представление об эталоне физической силы. А.Л. Никифоров на страницах журнала «Философия науки» отмечал: «значимость референта того или иного имени или существительного для культуры и для личного мира отдельного человека никак не зависит от физического существования или несуществования этого референта» [95, с. 165]. Данный тезис полностью находит свое подтверждение и в образе Геракла, значимость которого в сознании просвещенного русского человека как эталона физической мощи вплоть до сегодняшнего дня остается огромной.

5. Русская интеллектуальная элита (имеются в виду представители, цитировавшиеся в настоящей работе) не придавала особого значения какому-то одному подвигу Геракла. Упоминание этих подвигов в русских письменных источниках XI-XIX вв. – совершенно произвольно. В подходящих случаях для примера (сравнения, экстраполяции и т. д.) брался подвиг, который в наибольшей степени отвечал ситуации. Например, президент Юстиц-коллегии Матвеев в

1721 г. жаловался, будто он выполняет столь непосильную работу, что она была неподвластна даже Гераклу, который «едва ли бы мог против двоих стоять». Здесь отсылка ко второму подвигу – убийству Лернейской гидры. Протоиерей РПЦ И.И. Фудель называет философские идеи многих современников – Авгиевыми конюшнями, очистить которые под силу лишь Гераклу. Обращает на себя внимание и популярное сравнение Петра I с Гераклом (А.П. Сумароков, В.В. Капнист, М.М. Щербатов, С.М. Соловьев, В.Г. Белинский и др.).

6. Статистически частым в русских письменных источниках является упоминание столбов/столпов Геракла (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, К.Н. Леонтьев, В.И. Ульянов (Ленин) и др.). Этот устойчивый термин используется в двух зависимых друг от друга значениях. Во-первых, как высшая степень человеческих достижений, причем довольно часто – отрицательных. Во-вторых – как труднопреодолимая преграда к постижению новых высот («достиг – и на том остановился»). Связь с Гераклом в данном случае не прямая. В античное время «геркулесовы столпы» – это крайние высоты Европы (Гибралтарская скала) и Африки (гора Джебель-Муса в Марокко либо гора Абила у местности Сеута), обрамляющие вход в Гибралтарский пролив. Сооружение столпов – не является подвигом (греч. «αθλα» – «битвы», «победы») Геракла, но с античных времен считалось его побочным деянием (греч. «παρεργα» – «второстепенные», «добавочные»). С другой стороны, «привязка» Геракла к этим столпам способствовала тому, что имя античного героя в России было еще больше «на слуху», что усиливало его популярность.

7. В христианской литературе, в том числе в переводных византийских и местных летописях и «Хронографах», господствовало резкое неприятие «еллинских ересей». Однако образ Геракла оказался выдернут из культурного контекста античности. Это оказалось ему на руку. Геракл неожиданно облагораживается самими деятелями христианства. Виной тому – положительная, в целом, характеристика и почти безупречный «послужной список» Геракла, которые перешли из античной в средневековую литературу, а затем – в литературу эпохи

Возрождения и далее. За редким исключением остается неожиданно забытым факт возведения Геракла в боги и широкое поклонение ему со стороны греков и римлян. В русской литературе он уже не эллинистический бог, но «просто великий герой», борец за справедливость и истребитель зла. Героический компонент его образа полностью вытесняет божественный. В некоторых случаях Геракл отождествляется с Самсоном или даже с самим Христом (функционально, как спаситель – др.-греч. «σωτήρ» и борец со злом), в результате чего проникает в христианскую мифологию, проявляясь даже в архитектурном декоре церквей.

8. В трудах отечественных писателей, философов, ученых, энциклопедистов, историков и деятелей искусства во всех исследованных случаях образ героя оставался классическо-эллинистическим. Искажение образа Геракла, например, его переосмысление, припоминаемый Гераклу факт «в нечестии глубине погружашеся» (сошествие в Аид) или «тварь паче Творца почиташе», имеется лишь в редчайших случаях. В некоторых случаях Геракл на Руси (например, в «Лицевом летописном своде») интерпретировался как «добрый царь» эпохи Древнего Мира, поставленный в один ряд с иными правителями. Это не только помогало вписать его образ в понятные для русского человека рамки, но заодно – угодить отечественным государственным деятелям. Складывается впечатление, что образ Геракла, как и образы многих других персонажей греческой мифологии, являлись «священно-неприкосновенными», служа образцом, неизменяемым эталоном для сравнения. Пользоваться этими образами, невзирая на их «языческий» характер, с успехом могли даже деятели православной церкви. Античность воспринималась как данность, образы часто заимствовались без искажений и критики, оставались самоценными, навечно вошедшими в мировую культуру.

Список литературы

1. Абрамов М.А. Неопределенность свободы // Вопросы философии. – М.: Наука, 1996. – Вып. 10. – С. 58–70.

2. Акт №440. Отношение кн. Долгорукова к ген. Муравьеву от 3-го декабря 1855 года №8496 (С.-Петербург). Предположение о перевозке двадцати одной дружины ополчения из Самары на Кавказ, составленное Астраханским военным губернатором // Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Том XI. Кавказ и Закавказье за время управления Н.Н. Муравьева (1854–1856 гг.) / Под ред. Д. Кобякова. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1888. – С. 434–435.

3. Акт №490. Письмо ген.-л. Вельяминова к с.с. Ваценко от 5-го июня 1822 года №2020 // Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1875. – Т. VI. Ч. 2. Кавказ и Закавказье за время управления А.П. Ермолова (1816–1827 гг.). – С. 267.

4. Альтшуллер М.Г. Забытый сборник о войне 1812 года (последняя книга Н.П. Николева) // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года. Сборник научных статей / Отв. ред. С.В. Денисенко. – СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 46–59.

5. Андрей Лызлов. Скифская история / Подгот. текста, коммент. и аннотированный список имен А.П. Богданов; отв. ред. Е.В. Чистякова. – М.: Наука, 1990. – 520 с.

6. Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 1996. – 688 с.

7. Афанасьев А.Н. Славянская мифология: Поэтические воззрения славян на природу. Происхождение мифа. Статьи. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с.

8. Афанасьев А.Ю. Эволюция образа: от язычества к христианству // Вопросы философии. – М.: Наука, 1996. – Вып. 10. – С. 71–83.

9. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова... / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. Статьи и рецензии (1841–1844 гг.). – С. 451–461.

10. Белинский В.Г. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Роман. Сочинение Н. Кукольника. – СПб., 1846 г. / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 10. Статьи и рецензии (1846–1848 гг.). – С. 123–235.

11. Белинский В.Г. Литературные мечтания / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения (1829–1835 гг.). – С. 20–104.

12. Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 9. Статьи и рецензии (1845–1846 гг.). – С. 430–457.

13. Белинский В.Г. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835 г.) русской литературы / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2. Статьи и рецензии. Основания русской грамматики (1836–1838 гг.). – С. 7–52.

14. Белинский В.Г. Очерки света и жизни, повести Владимира Войта... Фантастическое описание кабинета Д. С. С. Д...а... / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 8. Статьи и рецензии (1843–1845 гг.). – С. 197–203.

15. Белинский В.Г. Первое действие комедии «Новый Недоросль». В двух картинах, сочинение С.П. Навроцкого / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. Статьи и рецензии (1840–1841 гг.). – С. 334–336.

16. Белинский В.Г. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н.П. Маловым... / В.Г. Белинский // Полное собрание

сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2. Статьи и рецензии. Основания русской грамматики (1836–1838 гг.). – С. 51–64.

17. Белинский В.Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 6. Статьи и рецензии (1842–1843 гг.). – С. 209–222.

18. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. Статьи и рецензии (1841–1844 гг.). – С. 521–588.

19. Белинский В.Г. Русские журналы / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 3. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка (1839–1840 гг.). – С. 168–192.

20. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. Статьи и рецензии (1841–1844 гг.). – С. 289–450.

21. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Статья восьмая. «Евгений Онегин» / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 7. Статьи и рецензии (1843 г.). Статьи о Пушкине (1843–1846 гг.). – С. 431–472.

22. Беляев Л.А. Катакомбы // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная Энциклопедия», 2013. – Т. 31 (Каракалла – Катехизация). – С. 650–658.

23. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Современный русский перевод. – М.: Российское библейское общество, 2011. – 1408 с.

24. Богданов А.П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 6. Ч. I / Отв. ред. В.М. Кириллин. – М., 1993–1994. – С. 165–248.

25. Буланин Д.М. Мифологические сюжеты Слов Григория Богослова в русской письменности XVI века // Живая старина. – М., 1994. – Вып. 4. – С. 2–5.
26. Буланин Д.М. Троянская тема в житии Михаила Клопского // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. – Вып. XLVIII. – С. 214–228.
27. Бусева-Давыдова И.Л. Архитектура русского православного храма. X–XX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная Энциклопедия», 2000. – С. 519–537.
28. Буслаев Ф.И. Русский быт и духовная культура / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов; предисл. В.О. Гусаковой. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1008 с.
29. Бычков В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. В 2-х т. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. – 527 с.
30. Бычков В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. В 2-х т. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – Т. 1. Раннее христианство. Византия. – 575 с.
31. Введение в историю Церкви. Часть 1. Обзор источников по общей истории Церкви. Учебное пособие / Под ред. В.В. Симонова. – М.: Изд-во Московского университета, 2012. – 752 с.
32. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. – СПб.: Типография Морского министерства, 1872. – 798 с.
33. Вилла Урбани, М. да, Заиграйкина С.Я. Марка апостола Базилика // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная Энциклопедия», 2016. – Т. 43 (Максим – Маркелл I). – С. 711–721.

34. Виролайнен М.Н. Два Петра (Памятники Фальконе и Шемякина) / М.Н. Виролайнен // Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – С. 266–288.

35. Гладкова О.В. К вопросу о символическом подтексте «Повести об авве Герасиме и льве» из Синайского патерика // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 14 / Отв. ред. Ф.С. Капица. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – С. 398–437.

36. Грабар А.Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Я.С. Лурье. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. XVIII. – С. 233–271.

37. Григорьян К.Н. Об одной из последних работ Богдана Салтанова // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – Вып. XXIV. Литература и общественная мысль Древней Руси. К 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. – С. 305–308.

38. Даркевич В.П. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире // Советская археология. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 4. – С. 90–104.

39. Даркевич В.П. Памятник западноевропейской торевтики XII века / В.П. Даркевич, И.И. Едомаха // Советская археология. – М.: Наука, 1964. – Вып. 3. – С. 247–255.

40. Денисова В.С. Герои и чудища: к вопросу об исторических корнях мифа о Геракле и Лернейской гидре // *Antiquitas Inventae*: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Отв. ред. Е.В. Смыков. – Саратов: ИЦ «Наука», 2011. – С. 23–27.

41. Державин Г.Р. Анакреонтические песни. / Подгот. изд. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионин, Е.Н. Петрова; отв. ред. Г.П. Макогоненко. – М.: Наука, 1986. – С. 251–295.

42. Добролюбов Н.А. [Рецензии на] Курс всеобщей истории для воспитанниц благородных институтов... Руководство всеобщей истории... / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1962. – Т. 4. Статьи и рецензии (январь – июнь 1859 гг.). – С. 188–195.

43. Добролюбов Н.А. Аттила и Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий А. Вельтмана. Москва, 1858 / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1962. – Т. 2. Статьи и рецензии (август 1857 г. – май 1958 г.). – С. 335–339.

44. Добролюбов Н.А. Деревенская жизнь помещика в старые годы («Детские годы Багрова-внука», служащие продолжением «Семейной хроники» С. Аксакова. Москва, 1858 г.) / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1962. – Т. 2. Статьи и рецензии (август 1857 г. – май 1958 г.). – С. 290–326.

45. Добролюбов Н.А. Литературные мелочи прошлого года / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1962. – Т. 4. Статьи и рецензии (январь-июнь 1859 гг.). – С. 48–112.

46. Добролюбов Н.А. Опыт отучения людей от пищи / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1963. – Т. 7. Статьи и рецензии (1861 г.). «Свисток» и «Искра». – С. 438–460.

47. Добролюбов Н.А. Письмо А.П. Златовратскому (около 20 апреля 1860 г.) / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1964. – Т. 9. Письма. – С. 413–415.

48. Добролюбов Н.А. Утро. Литтературный сборник (Москва, 1859) / Н.А. Добролюбов // Собрание сочинений: В 9-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1962. – Т. 4. Статьи и рецензии (январь-июнь 1859 гг.). – С. 113–136.

49. Доманский В.А. Изображение отечественной войны 1812 года в русской поэзии: от высокой архаики к романтизму // Реалии и легенды Отечественной

войны 1812 года: Сборник научных статей / Отв. ред. С.В. Денисенко. – СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 290–307.

50. Дробленкова Н.Ф. Вирши о взятии Азова в 1696 г. / Н.Ф. Дробленкова, Л.С. Шепелева // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. В.И. Малышев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Вып. XIV. – С. 427–432.

51. Западов А.В. Поэты XVIII века (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 312 с.

52. Захарова Е.А. Культы древнегреческих героев Ахилла и Геракла в Северном Причерноморье (VI–I вв. до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. (07.00.03. Всеобщая история (история древнего мира). – М., 2003. – 254 с.

53. Из «Троянской истории» // Повести и сказания Древней Руси. Памятники литературы XI–XVII веков в избранных переводах / Под ред. Д.С. Лихачева. – М.; СПб.: Диля, 2001. – С. 430–452.

54. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. – Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1908. – 1057–1955 + 153 с.

55. Иоанн Малала. Хронография. Кн. XIII–XVIII / Отв. ред. Н.Н. Болгов; Мир поздней античности. Документы и материалы. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. – Вып. 2. – 200 с.

56. Историография истории России до 1917 г. Учебник для студентов высших учебных заведений. В 2-х т. Т. 1 / А.Г. Кузьмин, М.Ю. Лачаева, Н.М. Рогожин [и др.]; под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2004. – 382 с.

57. История русского искусства. Т. 1. / Под ред. И.Э. Грабаря, В.Н. Лазарева, В.С. Кеменова. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 575 с.

58. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века / Отв. ред. Л.М. Лотман. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. – 536 с.

59. Казакова Н.А. Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды отдела древнерусской

литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – Вып. XLI. – С. 268–288.

60. Капнист В.В. Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении / В.В. Капнист // Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2 / Ред., вступ. ст. и примеч. Д.С. Бабкина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 165–185.

61. Капнист В.В. Ода на победы Росса в Италии 1799-го года // Капнист В.В. Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 1 / Ред., вступ. ст. и примеч. Д.С. Бабкина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 139–143.

62. Капнист В.В. Петру Первому / В.В. Капнист // Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 1. / Ред., вступ. ст. и примеч. Д.С. Бабкина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 186–187.

63. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. Т. 1 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Наука, 1989. – 640 с.

64. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. Т. 2–3 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Наука, 1991. – 832 с.

65. Кембриджская история древнего мира / Под ред. Дж. Бордмэна, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, Д.-М. Льюиса и М. Оствальда; пер. с англ., подготовка текста, предисловие, примечания А.В. Зайкова. – М.: Ладомир, 2011. – Т. IV. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н. э. – 1112 с.

66. Киселева М.С. Интеллектуалы в православных монастырях конца XVI–XVII вв. // Философский журнал. – М., 2008. – Вып. 2 (7). – С. 124–136.

67. Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 472 с.

68. Костюхин Е.А. К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Л.В. Соколова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – Вып. LV. – С. 560–562.

69. Куприн А.И. Мясо / А.И. Куприн // Полное собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Воскресенье, 2007. – Т. 3. Повесть. Рассказы. – С. 262–274.

70. Ленин В.И. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 15. – 4-е изд. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во политической литературы, 1947. – С. 168–178.

71. Ленин В.И. Против объединения – с ликвидаторами / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 4-е изд. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во политической литературы, 1948. – Т. 17. – С. 440–445.

72. Леонтьев К.Н. Мои воспоминания о Фракии / К.Н. Леонтьев // Полное собрание сочинений и писем / Подгот. текста В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – Т. 6. Кн. 1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1891 гг. – С. 140–227.

73. Леонтьев К.Н. Одиссей Полихрониадес (Воспоминания загорского грека) / К.Н. Леонтьев // Полное собрание сочинений и писем / Подгот. текста и сост. коммент. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – Т. 4. – 1045 с.

74. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем / Подгот. текста и сост. коммент. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – Т. 6. Кн. 2. Фрагмент из дневника. Автобиографические материалы. Завершения. Другие редакции. Приложения. – 769 с.

75. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4-х т. / Отв. ред. тома Н.Г. Охотин. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. – Т. 1. Стихотворения. – 776 с.

76. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4-х т. / Отв. ред. тома Н.Г. Охотин. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. – Т. 4. Проза. Письма. – 552 с.

77. Летописец еллинский и римский / Коммент. и исследование О.В. Творогов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. Текст. – 513 с.

78. Летописец еллинский и римский. / Коммент. и исследование О.В. Творогов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2001. – Т. 2. Комментарии. – 271 с.

79. Лицевой летописный свод XVI века. Библейская история. – М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. – Кн. 4. – 504 с.

80. Лицевой летописный свод XVI века. Всемирная история. – М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. – Кн. 4. История Иудейской войны Иосифа Флавия. Ч. 1. – 568 с.

81. Ломоносов М.В. Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи (1732–1764 гг.). – С. 82–102.

82. Ломоносов М.В. Разговор с Анакреонтом / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи (1732–1764 гг.). – С. 761–767.

83. Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2-х т. / Под общ. ред. А.И. Зайцева. – СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. – 538 с.

84. Лукиан. Избранное / Пер. с древнегреч., сост., предисл. И. Нахова; Коммент. И. Нахова и Ю. Шульца. – М.: Художественная литература, 1987. – 624 с.

85. Люстров М.Ю. О некоторых тенденциях в русской и шведской панегирических литературах эпохи Северной войны // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 15 / Институт мировой литературы РАН; Общество исследователей Древней Руси; отв. ред. О.А. Туфанова. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – С. 747–762.

86. Люстров М.Ю. Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 13 / Институт мировой литературы РАН; Общество исследователей Древней Руси; отв. ред. Д.С. Менделеева. – М.: Знак, 2008. – С. 113–272.

87. Майлз Р. Карфаген должен быть разрушен / Пер. с англ. И.В. Лобанова. – М.: АСТ, 2014. – 572 с.

88. Макогоненко Г.П. Анакреонтика Державина и ее место в поэзии начала XIX в. // Анакреонтические песни / Г.Р. Державин; подгот. изд. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионин, Е.Н. Петрова; отв. ред. Г.П. Макогоненко. – М.: Наука, 1986. – С. 251–295.

89. Матвеев В.А. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели / В.А. Матвеев, Л.И. Щеголева. – М.: Богородский печатник, 2000. – 544 с.

90. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии. – М.: Наука, 1991. – Вып. 10 – С. 41–47.

91. Мещерский И.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 579 с.

92. Мещерский И.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков: Учебное пособие. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 130 с.

93. Миллер О. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом русского народного эпоса. – СПб.: Типография Н.Н. Михайлова, 1869. – 896 с.

94. Немировский Б.Л. Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – 600 с.

95. Никифоров А.Л. Язык как средство построения индивидуального жизненного мира // Философия науки / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2012. – Вып. 17. Эпистемологический анализ коммуникации. – С. 156–173.

96. Орлов А.С. Героическая тема в русском фольклоре / А.С. Орлов, В.Я. Пропп; сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 864 с.

97. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. – 433 с.

98. Письмо И.И. Фуделя К.Н. Леонтьеву (28 февраля 1891 г., Белосток) // «Преемство от отцов». Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания. Приложение к Полному собранию сочинений и писем К.Н. Леонтьева. В 12 т. / Сост., вступ. ст., подгот. текста и комментарии О.Л. Фетисенко. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – Кн. 1. – С. 295–301.

99. Платон. Избранные диалоги / Пер. с древнегреч. Сост., вступ. ст. и примеч. В. Асмус. – М.: Художественная литература, 1965. – 443 с.

100. Повести о житии Михаила Клопского. / Подгот. текстов и статья Л.А. Дмитриева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 172 с.

101. Повесть о Варлааме и Иоасафе. / Подгот. текста, перевод и коммент. И.Н. Лебедевой // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2. XI–XII века. – С. 360–387.

102. Покровский Н. Древне-языческое и христианское искусство // Христианское чтение. – СПб., 1878. – Вып. 1–2. – С. 3–17.

103. Полное собрание русских летописей / Отв. ред. Б.А. Рыбаков; сост. и ред. тома Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. Хроники: литовская и жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 235 с.

104. Полное собрание русских летописей / Отв. ред. В.И. Буганов, Б.А. Рыбаков; отв. ред. тома В.А. Кучкин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 40. Густынская летопись. – 202 с.

105. Псевдо-Аполлодор. «Мифологическая библиотека» / Аполлодор // Мифологическая библиотека / Подгот. изд. В.Д. Борухович; отв. ред. Я.М. Боровский. – Л.: Наука, Ленингр. отдел., 1972. – Кн. II, глава V. – 2216 с.

106. Пыпин А.Н. История русской литературы. – СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. III. Судьбы народной поэзии. Эпоха преобразований Петра Великого. Установление новой литературы. Ломоносов. – 535 с.

107. Радищев А.Н. Песнь историческая / А.Н. Радищев // Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – Т. 1. – С. 74–122.

108. Розанов В.В. Д. Мережковский. Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века. Книгоиздательство «Скорпион». – Москва, 1902 / В.В. Розанов // Собрание сочинений / Под общ. ред. А.Н. Николюкина; сост. А.Н. Николюкина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; коммент. О.В. Быстровой. – М.: Республика; Росток, 2008. – Т. 26. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. – С. 277–280.

109. Розанов В.В. Концы и начала, «божественное» и «демоническое», боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова) / В.В. Розанов // Собрание сочинений / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1995. – Т. 4. О писательстве и писателях. – С. 78–95.

110. Розанов В.В. Мимолетное (1915 г.) / В.В. Розанов // Собрание сочинений / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994. – Т. 2. Апокалипсис нашего времени. Мимолетное (1915 г.). Черный огонь (1917 г.). – С. 5–334.

111. Розанов В.В. Перед церковным собором / В.В. Розанов // Собрание сочинений / Под общ. ред. А.Н. Николюкина; сост. А.Н. Николюкина; коммент. А.Н. Николюкина, С.М. Половинкина, В.А. Фатеева. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – Т. 29. Литературные изгнанники. Кн. 2. – С. 759–765.

112. Розанов В.В. Пестрые темы / В.В. Розанов // Собрание сочинений / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – Т. 17. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху). – С. 107–161.

113. Розанов В.В. Свеча в храме / В.В. Розанов // Собрание сочинений / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1994. – Т. 3. В темных религиозных лучах. – С. 253–403.

114. Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.М. Зубарь. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 40–61.

115. Рылова О.Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога // Вестник Томского государственного педагогического университета (ТГПУ). – Томск, 2010. – №5. – С. 100–106.

116. Святаго отца нашего Василия Великого наставление юношам, как пользоваться языческими писателями // Христианское чтение. – СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1829. – Ч. XXXIII. – С. 3–35.

117. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. – СПб.: Наука, 2007. – 594 с.

118. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой; предисл. Д.С. Лихачева. – Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 1996. – Т. 1. Аарон – Детем благословение. – LX + 362 с.

119. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подгот. текста, ст. и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. – Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 1999. – Т. 2. Еммануил – Почитание 2. – 657 с.

120. Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, Л.У. Звонарева. – Минск: Мастацкая Літаратура, 1990. – 447 с.

121. Слово святителя Афанасия Великого о воплощении Бога – Слова и о пришествии его к нам во плоти // Богословские труды. Сборник 11. – М.: Издание Московской Патриархии, 1973. – С. 129–161.

122. Смирнов И.П. О подделках А.И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории культуры) // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение,

1979. – Вып. XXXIV. Куликовская битва и подъем национального самосознания. – С. 200–219.

123. Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1955. – 692 с.

124. Соколов С.П. Сводный каталог русских медалей. – Киев: Купола, 2005. – 496 с.

125. Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. / Отв. ред. и авторы вступ. ст. И.Д. Ковальченко и С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988. – Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. – 800 с.

126. Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко и С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1991. – Кн. VII. История России с древнейших времен. Т. 13–14. – 704 с.

127. Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко и С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1993. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. – 640 с.

128. Софокл. Драмы / Пер. Ф.Ф. Зелинский; подгот. изд. М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо. – М.: Наука, 1990. – 622 с.

129. Софронова Л.А. Миф и драма барокко в Польше и России // Миф. Фольклор. Литература / Отв. ред. В.Г. Базанов. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – С. 67–80.

130. Сумароков А.П. Наставление хотящим быти писателями / А.П. Сумароков // Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 134–139.

131. Сумароков А.П. Ода вздорная II / А.П. Сумароков // Избранные произведения. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 289.

132. Сумароков А.П. Осел во львовой коже / А.П. Сумароков // Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 208–209.

133. Сумароков А.П. Эпистола II / А.П. Сумароков // Избранные произведения. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 115–125.

134. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – 400 с.

135. Таксиль Л. Забавная Библия / Пер. с франц. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1976. – 431 с.

136. Татищев В. Собрание сочинений. В 8-ми т. В 5-ти кн. Репринт с изд. 1962 г. – М.: Ладомир, 1994. – Т. 1. История Российская. Ч. 1. – 500 с.

137. Татищев В. Собрание сочинений. В 8-ми т. В 5-ти кн. Репринт с изд. 1964 г. – М.: Ладомир, 1995. – Т. 4. История Российская. – 556 с.

138. Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. – Вып. XXXIII. Древнерусские литературные памятники. – С. 1–31.

139. Творогов О.В. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XXVI. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. – С. 64–71.

140. Творогов О.В. К истории жанра хронографа // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XXVII. История жанров в русской литературе X–XVII вв. / Отв. ред. А.М. Панченко. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – С. 203–226.

141. Успенский Г.И. Письмо Г.И. Успенского в адрес Е.П. Летковой в Москву (Пермь, 24 июня 1884 г.) / Г.И. Успенский // Полное собрание сочинений. Т. 13. Письма (1849–1886 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 370–380.
142. Фаминцын А.С. Божества древних славян / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов, предисл. Е.А. Окладникова. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 736 с.
143. Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве / Феофан Прокопович // Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 335–458.
144. Феофан Прокопович. Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими иулиа 27 дня полученной / Феофан Прокопович // Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 103–112.
145. Флавий Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского». Кн. VI, 10 / Флавий Филострат // Жизнь Аполлония Тианского / Изд. подг. Е.Г. Рабинович; отв. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
146. Хрипков В.Ф. «Хроника Иоанна Малалы» в составе Тихонравовского хронографа // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб.: Наука, С.-Петербургское отделение, 1992. – Вып. XLV. – С. 333–350.
147. Хрипков В.Ф. Русские списки и редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна // Труды отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – СПб., 1993. – Вып. XLVI. – С. 88–97.
148. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья вторая / Н.Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во художественной литературы, 1947. – Т. 3. – С. 5–309.
149. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Н.Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1939. – Т. 11. – С. 5–336.

150. Чистякова Е.В. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах / Е.В. Чистякова, А.П. Богданов. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 136 с.

151. Шелгунов Н.В. Люди сороковых и шестидесятых годов / Н.В. Шелгунов // Литературная критика / Вступ. ст., сост. и примеч. Н.И. Соколова. – Л.: Художественная литература, 1974. – С. 39–209.

152. Шелгунов Н.В. По поводу земской школы / Н.В. Шелгунов // Избранные педагогические сочинения. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1954. – С. 341–369.

153. Шемякина М.К. Концепт «Возрождение» в логике развития русской культуры // Вестник Костромского государственного университета (КГУ). – Кострома, 2011. – №5–6. – С. 106–110.

154. Шемякина М.К. Культура как центральное понятие концептуального поля русской философии рубежа XIX–XX вв. (на материале особенностей воплощения концепта «возрождение») // Известия Пензенского государственного педагогического университета (ПГПУ) им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2012. – №27. – С. 160–164.

155. Шемякина М.К. Традиция и традиционная русская культура сквозь призму постижения концепта «Возрождение» // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань, 2012. – №3 (29). – С. 195–201.

156. Шефер Е.Ф. Античные мотивы и образы в лирике М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – II. К 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова: Материалы Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2004» (7–9 октября 2004 г.) / Отв. ред. Е.Ф. Шефер. – Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2004. – С. 59–72.

157. Широкоград А.Б. 200 лет парусного флота России. 1696–1891 гг. – М.: Вече, 2007. – 448 с.

158. Шукуров Ш.М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М.: Алетейя, 1999. – С. 33–61.

159. Щербатов М.М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого / М.М. Щербатов // Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Г. Калинина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 117–131.

160. Эразм Роттердамский. Философские произведения / Пер. и коммент. Ю.М. Каган; отв. ред. В.В. Соколов. – М.: Наука, 1987. – 704 с.

Тюрин Сергей Сергеевич – бакалавр Алматинского филиала Международного славянского института, Республика Казахстан, Алматы.
